

федеральное Государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРАСОТЕ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ IV ВЕКА Н.Э.

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 46.04.01 История
заочной формы обучения, группы 02031655
Фурмановой Ксении Петровны

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Семичева Е.А.

Рецензент
научный сотрудник отдела
истории ГБУК «Белгородский
государственный историко-
краеведческий музей»,
кандидат исторических наук
Елисеева А.Ю.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ	23
I.1. Представления о красоте мужчины в римском обществе.....	23
I.2. Представления о женской красоте по данным литературных источников.....	37
ГЛАВА II. КРАСОТА ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РИМЛЯН	52
II.1. Особенности оформления городских жилищ.....	52
II.2. Красота природы в представлении римского общества по данным римской литературы.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	79

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Старое содержание научного исторического знания сегодня потеряло свою целесообразность. Долгое время внимание ученых сосредоточивалось на экономических процессах, межклассовых отношениях, но за рамками изучения оставалась человеческая (субъективная) сторона истории. В то же время, как показала современная историографическая практика, изучение той или иной проблемы несет в себе многоаспектность движущих сил. Потому историческое знание сегодня характеризуется переосмыслением методов и подходов в работе с источниками, переориентацией исторического мышления. В источниковедческом анализе происходит перенос внимания с фрагментарных исследований экономики, политики и прочих макросистем к процессам, протекающим в сознании общества, на фоне социальных, культурных, идеологических реалий, к исследованию социально–психологической природы самого создателя источника; появляются новые понятия, новые ракурсы и объекты исследования.

Так реконструкция «образа» эпох прошлого – активно разрабатываемое направление во многих современных историографических трудах. Особый интерес представляет вопрос формирования идеалов в пространстве того или иного национального сознания. Ведь каждая эпоха рождала свои представления о прекрасном, но содержание этого понятия всегда было разным. Сегодня ученые проводят прямую параллель между психоэмоциональными процессами и социокультурной средой, в которой живет человек, утверждая, что вся совокупность восприятий, представлений возникает под действием непосредственных условий его жизни.

В частности, процесс синтеза различных культур, с которым неизбежно сталкивается любая общность, привносил неоднозначные трансформации в ее жизнь. С одной стороны это взаимообогащение, с другой – утрата традиций, собственной «формы», в которой ранее развивался социум.

История имперского Рима указывает на множество кризисов в общественной жизни римлян, связанных именно с кросс-культурной коммуникацией. Греко–восточное влияние обогатило римскую повседневность представлениями об «умении жить», показав великолепие и удобство быта. А резкое появление в Риме богатства преподнесло его жителям самые разнообразные способы обрамления своей жизни. Однако новые веяния не нашли понимания приверженцев нравственности, многие из которых с этого времени начали всё острее ощущать нарастающее расхождение между традиционными ценностями, нормами поведения, с одной стороны, и повседневной реальностью – с другой. Во многих трудах того времени можно встретиться с убеждением, что предки римлян были бесхитростными и «неиспорченными», когда как в реальности старые идеалы оставались лишь для внешнего соответствия данным представлениям.

Столь же резкая смена нравственных и ценностных ориентиров характерна и для нашего времени. В век глобализации ведется пропаганда самых разнообразных устоев жизни. А культурные и экономические достижения современности продолжают переворачивать взгляды на комфорт и изящество жизни, нередко приводя к отталкиванию традиционных ценностей. Однако, как и в древности, общество сегодня неоднозначно оценивает подобное влияние стилей чуждой культуры, и явление стилизации в целом. Внутри многонациональных стран встает вопрос о культурной толерантности между участниками процесса взаимодействия. Одни легкомысленно смотрят сквозь эти процессы, не осознавая последствий, а иногда видя в этом престижность и задатки развития общества. Другие, напротив, ощущают опасность забвения «корней» (привычных норм), видя в этом разложение нравственности.

Однако стоит учесть, что форма жизни любой общности – это результат синтеза всего предшествующего общечеловеческого опыта. Г.Г.Гадамер и М. Ф. Овсянников замечают, что «своеобразие и сущность мироощущения человека состоит не в физиологической, но в культурно-

исторической природе... Здесь сходятся две вещи: наше историческое сознание и склонность современного человека, к рефлексии, т.е. к выражению того нового всеобщего настроения, в соответствии с которым человек творит и которое представляется ему новой формой всеобщего взаимопонимания»¹. «Чувство формы, объема, цвета, ритма, симметрии и в конечном счете чувство красоты – все эти элементарные проявления эстетического сознания человек не получил готовыми»². И именно в античной эстетике в «зародыше» возникли почти все типы сегодняшних эстетических концепций³. Таким образом, попытки выявить движущие механизмы формирования мировосприятия человека прошлого помогают не только дать представление об определенной эпохе, но и лучше понять современность, объяснить многие сегодняшние явления.

Вышесказанное актуализирует обращение к заявленной проблеме.

Степень разработанности проблемы. Обращение к истории повседневности Рима в зарубежной историографии имеет давние традиции. Однако научный характер эти исследования стали приобретать только в конце XIX – начале XX вв. Из ранних исследований в данной работе стоит отметить такой труд, как «Быт греков и римлян»⁴ Ф. Ф. Велишского. Автор собрал богатый литературный и эпиграфический материал, необходимый для изучения различных сторон быта римского общества.

Широкий обзор информации о жизни римлян можно почерпнуть и среди более современных работ; таких, как: «Частная и общественная жизнь римлян»⁵ П. Гиро, «Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьёзы»⁶ А. Анжела, «Древний Рим. Быт, религия, культура»⁷ Ф. Коуэля,

---

¹ Гадамер Г. – Г. Актуальность прекрасного: сб. статей. / Пер. с нем. – М., 1991. – С. 274.

² Овсянников М. Ф. История эстетической мысли: учеб. пособие. – М., 1978. – С. 11.

³ Там же. – С. 15.

⁴ Велишский Ф. Быт греков и римлян. – Прага, 1878.– Электронный архив «ЯрГУ им. П.Г.Демидова»: [Эл. ресурс]. – URL: <http://elar.uniya.ac.ru/jspui/handle/123456789/1441>.

⁵ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян.– М., 1995.– 598 с.

⁶ Анжела А. Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьёзы.– М., 2010.– 480 с.

⁷ Коуэль Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура.– М., 2006.– 229 с.

«Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи»⁸ Ж. Каркопино, «Римская цивилизация»⁹ П. Джеймса.

Раскрытие спектра проблем в средиземноморских и ближневосточных регионах принадлежит крупнейшему многотомному справочному изданию Кэмбриджского университета «The Cambridge Ancient History»¹⁰, охватывающего временной отрезок со времен первобытности до 602 г. н.э. Знаменито это издание и тем, что в начале XX века оно закрепило в исторической науке трехчастное деление исторического времени – Древний мир, Средние века и Новое время. Здесь представлена не только повседневная, но и событийная история; освещены проблемы археологии, искусства, языка, письменности цивилизаций прошлого; представлены труды, затрагивающие вопросы ментальности, психологии и идейной сферы древних обществ и мн. др. Труды оснащены основными черно-белыми иллюстрациями, и дополнительными томами к каждому выпуску с широким набором иллюстративного материала.

Особо значимыми для изучения жизни позднеантичного общества являются работы, освещающие проблему кризиса и дальнейшего краха Империи, среди которых стоит выделить многотомный труд историка XVIII века Э. Гиббона «История упадка и разрушения Великой Римской империи...»¹¹. Работа содержит подробный обзор истории Римской империи (со II по V столетие), а затем истории Византии вплоть до ее падения в XV в. Изложение чисто политической истории сопровождается обширными экскурсами в область античной и средневековой культуры.

К началу XX столетия относится монография М. Гранта «Крушение Римской Империи»¹². М. Грант акцентирует внимание на проблемах, приведших к фатальным последствиям некогда единую Империю.

---

⁸ Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи.– М., 2008.– 420 с.

⁹ Джеймс П. Римская цивилизация.– М., 2000. – 272 с.

¹⁰ Cambridge Ancient History. Vol. XII – XIII.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ru.b-ok.xyz/ireader/1211108>.

¹¹ Гиббон, Э. Указ. соч. – С. 63.

¹² Грант М. Крушение Римской империи.: М., 2005. – 397 с.

Более современные исследования раскола Рима предприняты в работах П. Хизера «Падение Римской Империи»¹³ и А.Х.М. Джонс «Гибель античного мира»¹⁴. В последнем труде автор заостряет внимание именно на истории античных идей, апробируя данные, полученные преимущественно из литературных и эпиграфических источников.

Если подвергать анализу общеисторические труды, можно столкнуться с проблемой дефицита материала, касающегося именно женской истории, поскольку описываемая в этих работах общественная жизнь в основе своей творилась мужчинами: императорами, государственными деятелями... Но заметим, что женщины также играли немаловажную, а порой ключевую роль в развитии общества. К тому же мужская и женская повседневность в Риме (как и в других обществах) бесспорно, различалась, предполагая различия и в их мировосприятии. Иначе говоря, изучение обыденного сознания должно опираться на информацию, касающуюся обоих полов. Роль женщины в обществе подробно раскрывает довольно молодое научное междисциплинарное направление – гендерная история. В этом русле интересна работа «Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме»¹⁵ французских исследовательниц Д. Гуревич и М.–Т. Рапсат-Шарлье. Здесь можно найти достаточно информации о женщинах разного социального статуса; об их воспитании, отношениях с мужьями и любовниками, труде, болезнях, правовом положении, влиянии на политику и исторических процессах, воздействовавших на конкретные стороны их жизни.

Нельзя рассуждать об эстетических идеалах определенной общности, не зная его нравственных ценностей. Мораль регулирует поведение человека во всех без исключения сферах, и именно она формирует мироощущение личности. В работах Л. Винничук¹⁶, Ж.–Н. Роббера¹⁷ и О. Кифера¹⁸

---

¹³ Хизер П. Падение Римской империи. – М., 2009. – 567 с.

¹⁴ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. – Ростов на Дону, 1997. – 576 с.

¹⁵ Гуревич Д., Рапсат – Шарлье М.– Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме.– М., 2006.– 261 с.

¹⁶ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима.– М., 1988.– 496 с.

¹⁷ Робер Ж.– Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений.– М., 2006.– 228 с.

¹⁸ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме.– М., 2003.– 431 с.

прослежено развитие нравов римлян на протяжении всего существования Рима. Авторы показывают, как определенные исторические реалии отразились на характере и морали общества.

Область взаимодействия античного человека и природной среды также подвергались анализу историков. Данная тематика представлена широким кругом исследований, из которых выделим статью П. Феделли «Человек и природная среда в Римском мире»¹⁹. В ней рассматривается проблема этичности антропогенного воздействия на природу в римском обществе.

С. Вуд в работе «Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа»²⁰, исследуя облик городской среды, также касался вопроса природа – человек. Автор пишет, что городским пейзажем Август и его последователи стремились к усилению пропагандистского потенциала города, формируя эстетичный вид Рима, визуально непротиворечивый концентрированной идеологии. Это утверждение может быть применимо и по отношению к поздней античности.

Не менее важными для определения римских эстетических вкусов, идеалов римлян и особенностей их мировоззрения являются и исследования дошедших до сегодняшних дней римских портретных образов. Роль римского портрета в истории мирового искусства определяется его глубокой жизненной правдой, утверждением реализма в изображении человека. Как отмечает Г. Хафнер²¹, – ученый, исследовавший римский портрет на основе информации из различного рода источников, «изучение истории, в том числе и истории античности, по портретам ее деятелей страдает ограниченностью и односторонностью. Однако в самой специфике этого, так сказать, исходного материала, а точнее, исторического источника, содержатся сведения, позволяющие в определенной мере понять и оценить качества той или иной

---

¹⁹ Феделли П. Человек и природная среда в Римском мире. // ВДИ 1995 №3. – С.103–109.

²⁰ Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977>.

²¹ Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. – М., 1984. – 314 с.

исторической личности, а от этих качеств не так уж мало зависели и их деятельность, и тот след в истории, который они оставили»²².

Отметим, что в области культурологии зарубежными исследователями сделано немало открытий. Методологическая новизна в изучении римской скульптурной пластики характерна для французского исследования «Autor de la colonne aurelienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurele a Rome»²³. Целью данного сборника статей стал поиск подхода к прочтению римских жестов. Изображения на колонне Марка Аврелия, воздвигнутой в конце II века н.э. в честь своего отца римским императором Коммодом, по словам авторов, во многих аспектах равнозначны письменным источникам. И «читается» информация с подобного источника методом сравнения ее с другими похожими архитектурными памятниками (в упомянутом исследовании это колонна Траяна). В частности, прослежены изменения стилистических форм, что отразило и смену ментальности и психологии римлян эпохи Траяна и времени Марка Аврелия. В целом, авторы сходятся в том, что целью подобных рельефов было донесение зрителю символического значения действия, а не простая передача реалистического изображения. И потому подобное исследование архитектурных памятников представляет семиотическую ценность для исследования традиций античных жестов.

Различные аспекты заявленной проблематики разработаны и в отечественной историографии.

Постмодернистская критика традиций европейского рационализма, парадигмальное изменение в гуманитаристике и историографические «повороты» последних десятилетий, оказали влияние на обращение и отечественных историков к человеческой субъективности, усилили внимание к текстам, в которых отражается сознание обычного человека, проявляющееся в его повседневной жизни²⁴. Для данного исследования

---

²² Хафнер, Г. Указ. соч. – С. 7.

²³ Autor de la colonne aurelienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurele a Rome. – Turnhout, 2000. – 446 p.

²⁴ Маловичко С. И. Локальная история и историческое краеведение с точки зрения источниковедения историографии: статья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/464>.

огромный интерес представляют работы историка, филолога, культуролога Г. С. Кнабе, такие, как «Быт и история в античности»²⁵, «Личность и индивидуальность. Античная биография и античное письмо»²⁶.

В области советской культурологии неocenим его вклад в проблемное изучение римского предметного мира. Нами использованы монографии «Древний Рим – история и повседневность»²⁷ и «Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима»²⁸.

Обширнейшее исследование культуры Рима и ее влияния на повседневность освещается в работах Ю. П. Суздальского «Очерки культуры Древнего Рима»²⁹ и А. Ф. Лосева «Эллинистически–римская эстетика I – II вв. н. э.»³⁰, Т. В. Ильиной «Искусство Римской империи»³¹, М. С. Корелина «Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи»³².

Более узкий обзор римской повседневности представлен статьями и публикациями различного характера.

Возвращаясь к исследованию нравственной структуры римского общества, отметим статьи советского историка С. Л. Утченко «Теория падения нравов»³³, «Две шкалы римской системы ценностей»³⁴ и «Еще раз о римской системе ценностей»³⁵, публикации Е. М. Штаерман «Рабские коллегии и фамилии в период империи»³⁶ и «Эллинизм в Риме»³⁷. Рассмотрев кризис и падение Римской республики, особенности становления

---

²⁵ Кнабе Г.С. История. Быт. Античность. // Быт и история в античности: сб. ст. – М., 1988. – С. 6 – 17.

²⁶ Кнабе Г.С. Личность и индивидуальность. Античная биография и античное письмо. // Избранные труды. Теория и история культуры: сб. ст. – М., 2006. – С. 274–291.

²⁷ Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. – М., 1986.– 200 с.

²⁸ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима.– М.,1994.– 522 с.

²⁹ Суздальский Ю.П. На семи холмах. Очерки культуры Древнего Рима.– М., 1965.– 400 с.

³⁰ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I - II вв. н. э.– М., 1979.– 413 с.

³¹ Ильина, Т.В. Искусство Римской империи. // История искусств: Западноевропейское искусство: учеб. изд. – М., 2000. – С. 36 – 46.

³² Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. – СПб, 2005. - 192 с.

³³ Утченко С.Л. Теория падения нравов. // Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи.– М., 1969.– С. 267–289.

³⁴ Утченко С.Л. Две шкалы римской системы ценностей. // ВДИ 1972 №4.– С. 22–33.

³⁵ Утченко С.Л. Еще раз о римской системе ценностей. // ВДИ 1973 №4.– С.30–47.

³⁶ Штаерман Е.М. Рабские коллегии и фамилии в период империи: статья. // ВДИ. 1950. № 3. – С. 71 – 85.

³⁷ Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме: статья. // ВДИ. 1994. № 3. – С. 3 – 13.

принципата, авторы обозначили широкий круг вопросов и проблем жизни римского социума. Интересна для данной работы идея С. Л. Утченко о том, что новый образ жизни вовсе не затмевал исконно–римских ценностей, но «примирился»³⁸, преобразовывал на традиционной основе новые формы ментальности римлян.

Более детальное рассмотрение кризиса, его духовного среза, обнаруживается в работах Г.С. Кнабе. В его исследовании «Категория престижности в жизни древнего Рима»³⁹ на материале источников автор по-новому взглянул на трансформацию традиционных римских ценностей, выявив две шкалы престижности. А в статье Г. С. Кнабе «Древний Рим. История, культура, искусство»⁴⁰, заостряя внимание на проблеме специфики типично римской культуры, автор указывает, что в жизни римлян всегда сосуществовали две противоположных черты – синтез разнородных культурных начал и консерватизм. Так же, как и упомянутый выше историк С. Л. Утченко, автор утверждает, что «... несмотря на открытость Рима и постоянное усвоение им чуждых идей, формы жизни его были специфически римскими, пока Рим оставался гражданской общиной»⁴¹.

Эти утверждения, как основополагающие характеристики римской жизни, будут рассматриваться в данной работе, что позволит взглянуть на проблему римского мироощущения как бы со стороны, избегая крайностей «абсолютного забвения традиций» или «ярого отрицания развития».

Исследование общественных процессов, протекающих в позднеимперское время представлено В. И. Уколовой в монографии «Поздний Рим: пять портретов»⁴².

---

³⁸ Утченко С.Л. Две шкалы... С. 32.

³⁹ Кнабе Г.С. Категория престижности в жизни Древнего Рима // Кнабе Г.С. Быт и история в античности.– М., 1988.– С.163–169.

⁴⁰ Кнабе Г.С. Древний Рим. История, культура, искусство. // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория истории и культуры.– М., 2006.– С. 132–157.

⁴¹ Там же

⁴² Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. – М., 1992. – 160 с.

В статье «Внутренние формы культуры»⁴³ Г. С. Кнабе проводит исторический анализ римского предметного мира с целью выявления общего структурного принципа римской материальной культуры.

Отметим исследования историка Я. Ю. Межеричко «Iners Otium»⁴⁴, Ю. М. Кагана «О латинских словах, обозначающих одежду»⁴⁵ и др.

Среди специальных трудов значителен вклад российских историков, занимавшихся исследованиями архитектуры Древнего Рима. Ведь именно в своеобразии материальной культуры проявляются и особенности ментальности и мироощущения человека–создателя материального мира. Информативны как узконаправленные статьи и доклады, такие как «Виллы в западных провинциях Римской империи»⁴⁶ Е. В. Ляпустиной, «О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I – II вв.)»⁴⁷ Н. Н. Беловой, «Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме»⁴⁸ С. Э. Таривердиевой, так и монографии, например, «Очерки истории архитектурных стилей»⁴⁹ И. А. Бартенева, «Архитектура Древнего Рима»⁵⁰ В. Д. Блаватского и др; а также исследования античной скульптуры: «Римский скульптурный портрет...»⁵¹, «В мире античных идей и образов»⁵².

Взаимная обусловленность между природой и человеком интересовала и советских историков. В монографии «Природа и античное общество»⁵³ историка, археолога, искусствоведа В. Д. Блаватского исследуются изменения природного ландшафта Средиземноморья в период античности, и движущие эти преобразования силы в лице человека. Заметим, что вопросы

---

⁴³ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры. // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория истории и культуры.– М., 2006.– С. 158–170.

⁴⁴ Межеричко Я.Ю. INERS OTIUM. // Быт и история в античности: сб. ст. – С. 41 – 67.

⁴⁵ Каган Ю.М. О латинских словах, обозначающих одежду // Кнабе Г.С. Быт и история в античности.– М., 1988.– С. 127–142.

⁴⁶ Ляпустина Е.В. Виллы в западных провинциях Римской империи: доклад. // ВДИ. 1985. № 1. – С. 161 – 186.

⁴⁷ Белова Н. Н. О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I – II вв.): [Электронный ресурс] – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/2480>.

⁴⁸ Таривердиева С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме.: [Электронный ресурс] – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1411728506>.

⁴⁹ Бартев И.А. Очерки истории архитектурных стилей. – М., 1983. – 384 с.

⁵⁰ Блаватский В. Д. Архитектура Древнего Рима. – М., 1938. – 124 с.

⁵¹ Бритова Н.Н. Римский скульптурный портрет: очерки. – М., 2013. – 384 с.

⁵² Преображенский П. Ф. В мире античных идей и образов. – М., 1965. – 397 с.

⁵³ Блаватский В.Д. Природа и античное общество.– Москва., 1976.– 237 с.

связи природной среды и развития человека мало затронуты отечественной исторической наукой. Однако, так или иначе это направление представляет монография «Климат: Непрочитанная глава истории»⁵⁴ В. В. Клименко.

Тему роли женщины в античном обществе советская историография также не оставила в стороне. Проблемные исследования в этой области представлены сборником статей «Женщина в античном мире» под редакцией доктора исторических наук, антиковеда Л. П. Маринович. Для данной работы интересны вошедшие в этот сборник статьи И. С. Свенцицкой «Женщина в раннем христианстве»⁵⁵, В. Н. Илюшечкина «Cara mea Photis»⁵⁶. В статье «Образ римской женщины в Паннонии»⁵⁷ Ю. К. Колосовская исследует роль римских гражданок в процессе романизации провинций империи. Автор обосновывает бесспорную важность этих сведений тем, что на протяжении всей истории Рима женщины принимали деятельное участие не только в жизни города, но и провинциального общества, играя немаловажную роль в становлении римского общества и римского образа жизни в различных уголках империи⁵⁸.

Из вышесказанного следует, что на сегодняшний день написано немало работ, прямо либо косвенно затрагивающих культуру, быт и нравы римского общества. Однако, тема специфики эстетического мироощущения римлян еще не получила отдельной разработки ни в российской, ни в зарубежной историографии, что определило **новизну** исследования.

Объектом данной работы является повседневная жизнь позднеантичного общества.

Предмет исследования – представления о красоте в древнеримском обществе.

---

⁵⁴ Клименко В.В. Климат: Непрочитанная глава истории. – М., 2009. – 407 с.

⁵⁵ Свенцицкая И.С. Женщина в раннем христианстве. // Маринович Л.П. Женщина в античном мире: : сб. статей.– М., 1995.– С. 157–167.

⁵⁶ Илюшечкин В.Н. Cara mea Photis. // Женщина в античном мире: сб. статей. – М., 1995. – С. 131 – 141.

⁵⁷ Колосовская Ю.К. Образ римской женщины в Паннонии. // Женщина в античном мире: сб. статей. – М., 1995. – С. 142 – 155.

⁵⁸ Там же. – С. 142.

Цель – на основе данных римской литературной традиции исследовать представления о различных видах и формах красоты, существовавшие в римском обществе IV века.

Цель реализуется посредством следующих **задач**:

- основываясь на данных литературной традиции, выявить, какие представления о красоте мужчины существовали в римском обществе;
- на материале литературных источников проанализировать представления римлян о женской красоте;
- изучить облик городского и загородного жилища, представленный в римских текстах;
- исследовать городскую среду посредством совокупности информации из описаний римлян и археологических данных;
- проанализировать отношение к природе, ее эстетическое значение для римлянина.

Географические границы. За имперский период могущество Римской империи распространялось на огромной территории: с севера на юг от Каледонии (современной Шотландии) до Мавритании (современный Марокко) и Египта; с востока на запад от Парфии и Пальмиры (Иран, Восточный Ирак, Армения, Кавказ; Сирия) до Лузитании (Португалия). Настоящее исследование проходит в указанных границах, в пределах Римской державы имперской эпохи.

Хронологически исследование охватывает IV век н.э., а именно временной отрезок с момента правления императора Диоклетиана и до последнего императора, правившего единым Римом – Феодосия I Великого. Этот период, богатый источниками, дает представление о римских принципах мировосприятия и демонстрирует закономерности их развития и трансформации.

Характеристика источников. Для реконструкции прошлого важно понять, чем определялось содержание и изменение представлений и ценностей; и, следовательно, определить ход социальных процессов,

реализующихся сквозь факты обыденного сознания. И поскольку у художественных произведений очень прочна связь с действительностью, это делает их средством познания социальной жизни, в которой творил автор источника. В то же время роман, или эпиграмма могут помочь в понимании образа мысли самого творца, поскольку, любой источник является продуктом деятельности психики конкретного человека.

Изучение обыденного сознания римлян не будет верно и правдиво, если не проанализировать описанные в текстах окружающую обстановку дома, города, деревни, распорядок дня обычного гражданина, знатного римлянина, римского крестьянина. Эпистолярный жанр обладает особой репрезентативностью обыденного сознания, поскольку именно здесь автор дает описания встреч, переписки (манеры общения), высказывает свои ощущения, субъективные представления о самом себе и о мире вокруг, в том числе об отдельных вещах. Таким образом, особый интерес вызывает сама форма действительности, представленная в сознании автора писем, его отношение к ней.

Выдающееся положение среди создателей этого жанра в IV веке принадлежит императору Юлиану и ритору Либанию.

Юлиан оставил довольно многочисленный пласт своих сочинений, среди которых выделяется его эпистолографическая часть. Несмотря на то, что император не собирал свою переписку, его письма хорошо сохранились. В виде беспорядочных сборников они распространялись и при жизни Юлиана, и после его смерти. Основное место в этих трудах занимают сведения по религиозной политике Юлиана, однако ценные данные о личности самого императора могут дать и исследования выдающегося стиля писем. Многие ученые отмечают сложность в интерпретации информации в письмах времен его юности, по причине того, что писались они в период жесточайшего идеологического контроля со стороны императорского двора. Известно, что детство и юность Юлиана омрачены потерей семьи, затворничеством в Мацеллуме под непрерывным подозрением Констанция

II. Информация этого периода его жизни часто граничит с двусмысленностью. Однако именно многозначность мысли автора в том или ином пассаже косвенно свидетельствуют о характере господствующей идеологии и морали общества. Еще одной особенностью данного источника является то, что адресатами адресаты писем выступают, преимущественно, интеллигенты-язычники, что дает возможность проследить за характерными чертами мировосприятия именно в языческой среде римлян.

Наставник и друг Юлиана, Либаний - уроженец Антиохии, крупного культурного, торгового и ремесленного центра греческого Востока. Получил хорошее для его времени риторическое образование сначала на родине, а затем в Афинах. Закончив образование, Либаний вернулся в Малую Азию и довольно долгое время переезжал из города в город, обучая юношей, и все больше обретая славу своими публичными выступлениями. Но затем Вернулся в Антиохию, где до конца жизни состоял в должности официального софиста города.

Его письма дошли до нас в огромном количестве - более полутора тысяч, притом, выдвигаются предположения, что это лишь малая часть его творческого наследия. Помимо того, что они стали важным источником по изучению римской истории, политической, идеологической, культурной жизни, как всей империи, так и восточной его части; но также они являются информативными в плане исследования мировосприятия римской элиты⁵⁹, поскольку получателями писем, в основе своей, выступает правящий класс, интеллектуалы, видные военные чиновники.

Ни один из жанров художественной литературы не дает такого простора для раскрытия внутреннего мира человека, его чувств и эмоций как античный роман. Отметим, что он значительно отличался от того, что называется романом в нашем современном понимании, и представлял собой

---

⁵⁹ *Межеричкий, Я. Ю.* «Полисные» и «неполисные» элементы в мировоззрении Сенеки. К вопросу о ментальных основах «республиканской» идеологии принципата.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1340235815>.

любовно-приключенческий эпос частной жизни со вставками из мифологических сюжетов. Расцвет этого жанра в Риме приходится на имперскую эпоху, и знаменует, по мнению многих исследователей, переход интересов читателей от чувств и действий героя эпоса к маленькому миру частных повседневных интересов и интимных чувств обычного человека. Ориентацией интересов на личность, видимо, и объясняется популярность греческого романа II века н.э. «История Аполлония, царя Тирского», переведенного на латинский язык, по мнению некоторых исследователей, в IV веке. Формируясь в условиях упадка античного общества, роман отразил в себе черты своего времени. Подобно эпистолярному жанру человек здесь обладает особенностями, личными свойствами, неповторимой индивидуальностью, которые воспринимаются сами по себе и вызывают определенное к себе отношение. Все это делает его довольно информативным в исследованиях обыденного сознания человека поздней античности.

Для реконструкции образа мыслей той или иной исторической общности также необходимо учитывать такие определяющие социального поведения, как ценности, традиции, ментальность и идеология. Красноречива в этом плане поэзия, служившая в империи проводником желаемых правящей верхушке тенденций. К тому же римские поэты часто прибегали к воспеванию привлекаемых их красот: красота женщины, мужчины, окружающего пейзажа; при этом облакая строки в эстетически привлекательные формы, по которым и представляется целесообразным определять идеалы эпохи.

Наиболее значительным представителем позднелатинской поэзии является Децим Магн Авсоний – поэт галло–римского происхождения, родом из аквитанской Бурдигалы. Занимался преподаванием грамматики, а после риторики в Галлии. Являлся представителем зажиточного слоя граждан Рима; под конец жизни, был приближен к императорскому двору, что делает его поэзию важным источником в исследовании характера господствующей

идеологии империи. Недаром в самом объемном труде Авсония - описательно-панегирическом стихотворении «Мозелла», а также в подобном ему, в жанровом плане, произведении «О городах» отвлеченная от жизненных реалий его времени тема природы выступает главной. О личности самого автора, о культурно-бытовых тонкостях его жизни прослеживается из его автобиографического стихотворений «О себе», «Об усадьбе», а также из крупного цикла эпитафий «О родных».

Похожим стихотворением со вставками автобиографического и бытового материала является «Евхаристик к Господу Богу в виде вседневной моей повести», написанное внуком Авсония, Павлином Пеллейским. Произведение позволяет отследить изменения происходившие в мировоззрении римлянина IV—V веков.

На конец IV века приходятся годы жизни Клавдия Клавдиана. Поэт был греком, родом из Александрии. Жил при дворе Феодосия Великого и его сыновей Гонория и Аркадия. Немаловажно, что с момента переезда в Рим и до самой смерти Клавдиан занимает должность придворного поэта, исправно выступая пропагандистом политики Стилихона при сыновьях Феодосия, что отражено в его стихотворных панегириках.

Вероятно к этому же времени относится и поэма «Птица феникс». Ее авторство неизвестно, как и спорна датировка. Однако языческая сущность произведения (Феникс фигурирует в таинствах Феба, языческого бога Солнца) с элементами христианских представлений согласуются с позднеантичным образом мышления, что оправдывает его соотнесение к этому времени

Ярким примером увековечивания идейной жизни поздней империи является поэзия Клавдия Рутилия Намациана. О самом поэте известно не много. Родился в южной Галлии, где, по некоторым данным, имел крупное наследственное поместье. Однако некоторое время прожил в Риме, занимая должность магистра оффиций с ведением иностранных дел, почтовой службы и оружейных мастерских, а затем став префектом Рима.

Возвращение в Галлию было обусловлено необходимостью спасения своего имущества от разорительных вторжений на юг империи вестготов. Это вынужденное путешествие Намациан описал в единственно дошедшей до нас поэме «О моем возвращении», занимавшей популярный в IV веке жанр итинерариея. Значимость источника заключается в обилии наглядных описаний, богатое топографическое, культурное и историческое содержание.

К жанру итинерария примыкают и описания берегов Средиземного, Каспийского и Черного морей, выполненные поэтом второй половины IV века, Руфом Фестом Авиеном. На примере его зарисовок пейзажей испанского берега представляется возможным выявить эстетические вкусы автора.

Таким образом представленные источники охватывает различные сферы жизни римского общества. И поскольку изучение представлений осуществимо лишь при комплексном анализе всех составляющих общественного развития, обозначенная источниковая база представляется достаточной для решения поставленных задач.

Методы исследования. При исследовании представлений о красоте римского общества использовались как исторические методы, так и междисциплинарные способы анализа информации.

Применение ретроспективного, системного и компаративного методов при работе с источниками позволило воссоздать целостность картины представлений о прекрасном в римском обществе, выявить особенности восприятия предметной среды применительно к отдельным личностям. Культурологический подход и принцип историзма способствовали установлению причинно–следственных связей коренных процессов и развития нравов общества и его ценностной структуры. Объективность знания достигалась и такими общенаучными методами, как анализ, синтез информации, методы аналогии исторических явлений, индуктивный и дедуктивный методы.

Привлечение новых, не исторических способов анализа информации позволяет взглянуть на источник со стороны самых различных аспектов, потому как наличие источниковой информации само по себе не подразумевает объективной реконструкции сознания отдаленных во времени эпох. А в силу своего субъективного характера любая информация, к тому же, претерпевает определенные искажения.

Культурная и социальная действительность формировали систему стереотипов поведения личности, форму ее чувственно – эмоциональных реакций и мышления. Поэтому культурно-антропологический подход, с его многочисленными направлениями исследования взаимодействий культуры и социоестественного мира человека, принципиально важен в изучении ментальности римского общества.

Изучение ментальностей подразумевает также анализ социально–психологических установок и знаковой системы, формирующей поведенческую модель.

Лингвистическое исследование, а именно семантический анализ применим при определении понятий «красота», «безобразие» и выявлении их генезиса. В античных произведениях эти понятия отражаются, в основном, в идеальных образах, представленных автором, а также в соответствующих эстетических терминах.

В частности, видится целесообразным перенос внимания с фрагментарных исследований экономики, политики и прочих макросистем к процессам, протекающим в сознании общества, на фоне социальных, культурных, идеологических реалий, к исследованию социально–психологической природы самого создателя источника, к отдельным жизнеописаниям и рассказам, то есть к микроисторическому исследованию.

Стиль и образ жизни, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения представлены такой отраслью исторического знания, как история повседневности.

Мыслители римской эпохи писали о женщинах, стараясь определить различия «женского» и «мужского», и пытались создать идеалы женского поведения и репрезентации. Эти идеи отражаются в самых разных видах литературы: религиозной, научной и философской, поэтической эпистолярной. Гендерный подход позволяет проследить за особенностями взаимосвязи между мужским и женским сознанием, за влиянием этих связей на формирование общественных идеалов и норм. При гендерном подходе акцент зондирования акцентируется не столько на источнике, сколько на позициях самого автора, то есть рассматривается субъективная гендерная идентичность.

Научная новизна. Впервые была предпринята попытка комплексного анализа содержащихся в античных текстах эстетических представлений римлян IV века н.э., и выявлены особенности восприятия римским обществом различных форм прекрасного.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в педагогической деятельности; для организации уроков истории и факультативов проблемного характера в учебных учреждениях высшего и общеобразовательного уровня.

Апробация результатов исследования осуществлена в виде докладов, представленных на научных конференциях «Классическая и византийская традиция - 2018»⁶⁰ (г. Белгород) и «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие»(г.Белгород) и публикациях в сборниках статей указанных конференций.

Положения, выносимые на защиту:

1) В представлениях о красоте мужчины в римском обществе времени принципата пытались укорениться два противоположных образа: Уже привычный утонченный греко–восточный тип и традиционный идеал грубого воина, обращение к которому представляло собой попытку решения

---

⁶⁰ Фурманова К. П. Представления о красоте человека в письмах Юлиана Отступника и Либания. // Классическая и Византийская традиция.2018. – Белгород, 2018. – С.313 – 318.

проблемы упадка нравственности в среде зажиточного класса. Однако, староримские нормы оставались лишь предметом стилизации.

2) Ценность красоты для римлян заключалась не просто в эстетическом наслаждении ею, внешность являлась средством достижения и одновременно способом презентации материального и социального благополучия.

3) Оформление и убранство жилища отражали общественный опыт римлян; Эстетика бытовой среды характеризовалась пышностью орнаментировки, яркостью и разнообразием декоративной отделки, обилием предметов роскоши (предметов непрактической значимости) и монументальностью построек. Вместе с тем, повсеместно наблюдается совмещение традиционно римских форм и нормы эстетики Греции и Востока.

4) Природная среда у римлян имеет эстетическое значение. Однако, в исследуемый период естественная природа, без следов преобразования человеком, становится безынтересной и воспринимается римлянином дикой и опасной. Истинно красивыми считаются лишь искусственно преобразованные ландшафты, характеризующиеся богатством и разнообразием декоративных насаждений, искусными комбинациями различных элементов – камня, воды, зелени, гармоничностью визуального вида созданных природных зон, прилегающих архитектурных построек и окружающей местности.

ГЛАВА I. КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

§ 1.1 Представления о красоте мужчины в римском обществе

Представления о мужской красоте в римском обществе в основе своей всегда имели принципиальную особенность. На протяжении многих веков римляне были земледельцами и воинами, «обладавшими прозаичной и практичной натурой»⁶¹, и не были склонны, подобно грекам, к наслаждению прекрасным посредством глубокого созерцания. О. Киффер отмечает, что, имея от природы грубую и чувственную натуру, в известном смысле, римлянин был жесток и дик, но являлся рассудительным и трезвомыслящим гражданином, стремящимся наладить общественную жизнь наиболее разумным и эффективным образом⁶². Эстетические понятия в таком обществе повсеместно формировались под влиянием других процветающих культур, и всегда использовались в русле практичности.

Поэтому в царские времена и во времена ранней республики, когда общество несло тяжелое бремя войн и разрухи, когда Рим еще не вступил в тесные контакты с другими цивилизациями⁶³, основными чертами эстетического идеала римского мужчины была суровость, мужество, непритязательные, упрощенные представления о быте⁶⁴, а также отвержение роскоши и расточительства, ведущих к нищете⁶⁵.

Изменения в мировосприятии начинаются с резким обогащением Рима, открывавшим ранее недоступные и неизвестные возможности его жителям⁶⁶; с развитием внешнеполитических взаимодействий, высшая степень развития которых приходится на самый кризисный момент жизни Рима - IV век, когда уже эллинизированную империю заполонили еще и выходцы с Востока,

---

⁶¹ Киффер О. Указ.соч. – С. 88.

⁶² Там же.

⁶³ Сергеевко М.Е. Простые люди Древней Италии. – С. 13.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Робер Ж.–Н. Указ. соч. – С. 15.

⁶⁶ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима – С.112 .

варвары, принесшие сюда свои религии, мировосприятие и образ жизни⁶⁷. В этот период мало кто мог похвастаться, что его корни уходят в римскую историю. В большинстве своем, это выходцы из разноязычных провинций со своим мировоззрением и ценностными ориентирами⁶⁸.

Многие источники этого времени уже не транслируют строгие раннереспубликанские идеалы. Популярность среди богатых римлян приобретает величавый совершенный образ, созвучный пышным греко-восточным прообразам. Такой мужчина уже не стремится подчеркнуть свою мужественность, силу, а напротив, придает себе ореол тонкости, элегантности, аристократизма. У него всегда идеальная прическа, в виде длинных и нередко окрашенных кудрей, завитых горячими металлическими стержнями; ухоженная борода самой разной длины и формы⁶⁹, либо безупречно гладко выбритое лицо⁷⁰.

Эстетическая привлекательность достигалась и посредством гигиенических процедур, сделавшихся совершеннее с момента знакомства с обычаями эллинского мира. Достаточно показательно, что в республиканский период гигиена являлась уделом частной сферы жизни⁷¹. Но вместе с повышением уровня благосостояния, римлянин приобретает вкус к пышности банных мероприятий, следствием чего явилось строительство величественных общественных терм. А использование масел, помад, духов, пастилок для освежения дыхания стало так востребовано в Риме, что их производство превратилось в процветающую отрасль⁷².

Эстетически привлекательной считалась гладкая блестящая кожа. Банные церемонии подразумевали косметические манипуляции. Нежелательные дефекты на коже удалялись банной скребницей. Для придания лоска и свежести (а возможно также и для маскировки запаха

---

⁶⁷ Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. – С. 4.

⁶⁸ Штаерман Е. М. Рабские коллегии и фамилии в период империи. – С. 71 – 85.

⁶⁹ Киффер О. Указ. соч.– С. 153.

⁷⁰ Бритова Н. Н. Указ. соч. – С. 97.

⁷¹ Паке Д. История красоты. – М., 2001. – С. 211.

⁷² Киффер О. Указ. соч.– С. 146.

мыла, изготавливаемого из жира и золы без добавления аромасел) до и после купания тело тщательно натиралось различными ароматными масляными средствами. Очень популярна была и мужская депиляция⁷³.

Источники позволяют утверждать, что представления о красоте включали и культ подтянутого тела. Посещение терм совмещалось с физическими упражнениями в специально отведенных для этого залах⁷⁴, да и за их пределами римляне нередко увлекались подвижными играми⁷⁵. Уже тогда было известно, что физическая активность сохраняла молодость, форму – основу привлекательности.

Ответственность за внешность хозяина лежала на специально обученном рабе, именовавшемся *tonsores*, чьей задачей было уход за волосами хозяина, создание красивой прически, бритье (или стрижка бороды), удаление волос на теле, стрижка и шлифовка ногтей. Были и общественные *tonsores*; их услугами пользовались не столь состоятельные граждане, а также их посещали рабы богатых римлян, потому как элиту заботила не только собственная внешность, но эстетические качества всего, что их окружает, и что при этом можно было продемонстрировать публике.⁷⁶

Клавдий Клавдиан был придворным поэтом, потому его поэзия отражает эстетические концепции, присущие представителям знати его времени, иначе его произведения не пользовались бы спросом. Например, образ божества Иакха, воспетый поэтом в классически греческом вкусе:

«...С нею нежный Иакх грядет, и плющ расцветает
В пышнокудрявых власах, парфянская шкура тигрицы
Плечи покрыла, сцепив узлом золоченые когти,
Поступь хмельную его меонийский тирс укрепляет...»

(*Ratto di Proserpina I, 15*).

⁷³ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С.141 .

⁷⁴ Межеричкий, Я.Ю. Высшие слои римского общества по произведениям Сенеки. // Проблемы истории античной гражданской общины: сб. статей. – М., 1982 – С. 112 – 130.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Каркопино Ж. Указ. соч. – С. 225.

Природные элементы в оформлении внешности, вьющиеся волосы - обязательные атрибуты греческой эстетики.

Вдохновляла греческая гармония и еще одного представителя римской аристократии - Децима Авсония Магна. В послании к Феону, поэт перечисляет атрибуты прекрасного в его понятии мужчины:

«Только уж ты, я прошу, не пленяйся лесною забавой,
Ловчих утех не ищи, не следуй опасным примерам,
Чтобы Венера в тебе не оплакала вновь Цинирида.
Ты ведь и впрямь похож на него: и белою кожей,
И золотою волною волос, упавших на плечи,
Нежною грудью своей, животом и гладким и гибким,
Плавно округлым бедром и голенью, словно блестящей, –
От головы и до ног таков ты отменно прекрасен...» (Ер.40 – 45)

Подтянутое, но не угловатое тело, сияющая светлая кожа, длинные блестящие локоны значительно отличаются от эстетической нормы, бытовавшей в царские и республиканские времена: короткие стрижки, красноватая от палящего солнца кожа и огрубевшие от ежедневных трудов формы тела.

Наглядным примером сдвигов в культуре и мировоззрении позднеантичного общества являются и принципиальные изменения гардероба – можно сказать, самого незыблемого, что когда-то было у римлянина во внешнем облике. Ведь начиная со средней республики и вплоть до IV века, основой оставались туника и тога⁷⁷. Символичность тоги многих столетий не оспаривалась. Её семантика состояла в том, что она являлась торжественным, государственно обязательным и как бы сакральным одеянием именно римлян, воплощавшим их традиции, их самосознание и отличавшим их от всех других народов⁷⁸. Но с развязностью нравов на смену тяжелой, душной и маркой тоге пришло разнообразие плащей не римского

---

⁷⁷ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 542.

⁷⁸ Там же.

происхождения: лацерны, пенулы, сагумы и палюдаментумы⁷⁹. Начали появляться узкие длинные туники, широкие далматики, которые, по новоприбывшей христианской «моды» скрывали фигуру целиком: от шеи до ступней. Также штаны, считавшиеся ранее отличительно варварским одеянием, распространились в среде модников. Римляне стали любить пестроту в орнаментации и украшениях⁸⁰. Эстетизация гардероба доходила до того, что даже подошва обуви делалась с замысловатым узором с целью привлечения внимания необычным следом, оставляемым при ходьбе⁸¹. А во время пиров распространенным обычаем становится частая смена одежд, именовавшихся *synthesis*, – что, возможно, и являлось набором разноцветных ярких плащей, которые иногда меняли по несколько раз во время обеда⁸².

В делах моды нередко тон задавали первые лица Рима⁸³. Например император Константин - внешне приверженец великолепия и неги восточной роскоши. Даже немолодой он наряжался в пестрые шелка, расшитые золотыми цветами, носил накладные волосы и короны изысканных фасонов со множеством драгоценных камней и жемчуга, его мощная шея была увешена ожерельями, а могучие руки увиты браслетами⁸⁴. А император Грациан обряжался в костюм своих телохранителей-аланов⁸⁵, должно быть, воспринимая новинку как яркую экзотику.

Связь эстетических идеалов позднеимператорского общества с греческими образцами позволяют уточнить и письма Либания: часто здесь можно встретить сравнение красоты кого-либо из знакомых с утонченными героями греческой мифологии; например, в письме к Никоклу он сравнивает правителя с прекрасным Эантом (1351); а в «Монодии на храм Аполлона в Дафне» Либаний очень явно восхищается канонами именно греческой эстетики: «Мужи, душа моя влекома к образу бога, и в моем представлении

---

⁷⁹ Винничук Л. Указ. соч. – С. 427.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Анджела А. Указ. соч. С. 53.

⁸² Там же.

⁸³ Киффер О. Указ. соч. – С. 153.

⁸⁴ Федорова Е. В. Люди императорского Рима. – М., 1990. – С. 266.

⁸⁵ Уколова В.И. Указ. соч. – С. 4.

восстает перед глазами его облик, стройная фигура, нежная шея, изваянная из камня, пояс, стягивающий на груди золотой хитон так, что одна часть его подобрана, а другая свободно развевается; на кого, даже пылающего гневом, весь этот облик не подействовал бы миротворно?» (60,11). Культ стройной плавной фигуры, хитон – плащ греческого происхождения⁸⁶, все это также не принадлежало минувшей римской эстетике и свидетельствовало об изменениях во вкусах римских мужчин.

Примечательно, что Либаний – уроженец Антиохии, крупного культурного, торгового и ремесленного центра греческого Востока, который задолго до распада империи потерял интерес к римской традиции, истории, литературе, языку⁸⁷, освоив греко – восточную культуру и впитав ее ценности. Его жители среди современников славились ветреностью, невоздержанным наслаждением праздностью и роскошью, распущенностью нравов, изнеженностью⁸⁸. Император Юлиан в «Брадоненавистнике» обвиняет антиохийцев в том, что они «даже в старости соперничают со своими сыновьями и дочерьми в роскошности своего образа жизни, и в предельном женоподобии и изнеженности, старательно делают свои подбородки гладкими, являя свою мужественность на темени» (339а); А в перечне зрелищ увлекаемых народ Антиохии император упоминает демонстрацию мальчиков, «которые в своей красоте состязаются с женщинами, и мужчин, имеющих гладкими не только щеки, но и все тело, так, что встречающие их могут подумать, что они глаже женщин» (345с).

Таким образом, происходит эволюция внешнего облика римлянина. Римский идеал красоты меняется до неузнаваемости, развиваясь от простого и строгого к экзотически-усложненному утонченному образу, все чаще воспроизводя эстетику греко-восточного мира.

---

⁸⁶ Каган Ю.М. О латинских словах, обозначающих одежду. // Быт и история в античности: сб. ст. – М., 1988. – С. 130.

⁸⁷ Джеймс П. Указ соч. – С.71.

⁸⁸ Велишский Ф. Указ.соч.: [Электронный ресурс] – URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1441>. – (дата обращения 27.01.2017).

Очередной представитель зажиточного слоя Рима, Павлин Пеллейский, вспоминая молодость, пишет:

«... с тех пор моя непутевость
Быстро росла, подкрепляясь исполненьями юных желаний –
Чтобы скакун был красив и разубрана бляхами сбруя,
Конюх виден, пес быстроног и сокол породист,
Чтобы мне выписан был по заказу из самого Рима
Весь позолоченный меч, удобный всяческим играм,
Чтобы одет я был лучше всех, и любая новинка
Благоухала, храня аромат аравийского мирра. (Eucharisticus, 140)

В этих строках отражено стремление блеснуть дорогими и необычными атрибутами быта свойственное, по-видимому, «золотой» молодежи Рима, для которых внешний облик превратился одно из средств достижения власти и славы, стабильного материального положения, высокого социального статуса в системе социальной иерархии. Так ценность красоты заключалась не просто в эстетическом наслаждении ею; римляне ставят внешность на службу практическим целям: посредством своего облика продемонстрировать значимость, приобрести высокую оценку и уважение в обществе.

Система ценностей в таких условиях трансформировалась. Целенаправленное стремление жить во имя получения всё новых удовольствий приводит к обесцениванию других целей жизни⁸⁹. Идеология «материального изобилия» пришла на смену простоте, скромности, умеренности раннереспубликанской эпохи, полностью вытеснив эти понятия из сознания⁹⁰. Судя по произведениям современников, для римлян этого времени наиболее желательными целями жизни стали достижение материальной обеспеченности, экономической стабильности и связанное с

---

⁸⁹ Утченко С. Л. О некоторых особенностях античной культуры // ВДИ. 1977. № 1. – С. 5 – 12.

⁹⁰ Утченко С. Л. Теория падения нравов. – С. 267 – 289.

этим времяпрепровождение, полное необычных удовольствий⁹¹. В свою очередь, система домината других целей и интересов не оставляла: мысли о делах государства становились опасными и невостребованными (все решения принимал император единолично)⁹², потому вперед выдвигалось собственное преуспевание и комфорт.

Справедливо замечание Е. М. Штаерман о том, что непрерывная цепь одних только наслаждений, не сменяемых ни трудом, ни борьбой, вызывала сначала погоню за новыми наслаждениями, которые превзошли бы старые и могли бы щекотать притупленные нервы, а затем - увлечение противоестественными пороками и изощрённую жестокость⁹³. Потому, Клавдиан употребляет столь неуважительные эпитеты к престарелому Евтропию:

«Кожа с летами уж вся разбрюзгла, в браздах по ланитам

Все собралось лицо у него, морщливей изюма...

...Плачевну объели

Голову гнусные вши; пустынная между власами

Ширь у него залегла...» (In Eutrop. I, 110)

Таким образом, поэт рисует своеобразный антиидеал внешнего облика римского мужчины, обращая внимание не столько на возраст, как таковой, сколько на телесные характеристики, противоположные эстетическим представлениям.

Обращают на себя внимание и метафоры, употребляемые Авсонием в эпиграмме «На чесоточного Полигитона». Несмотря на болезнь «страдальца», в словах автора чувствуется тотальное отвращение к его телесным недостаткам и мукам:

«Ежели Полигитона увидел кто-нибудь в банях,—

Греет он язвы свои, что гноятся уже от чесотки,—

Играм любым предпочтет он подобное зрелище явно.

---

⁹¹ Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме. – С. 3 – 13.

⁹² The Cambridge Ancient History. Vol. XIII.: [Электронный ресурс] – URL: <http://ru.b-ok.xyz/ireader/1211108>.

⁹³ Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме. – С. 3 – 13.

Бранью сначала, бросающей в дрожь, сотрясает он воздух
И, подражая в речах непотребных девок ораве,
Членами после трясет, покрытыми мерзостной сыпью...»

(Epiqr. II, 106 (108), 5 – 15).

Видимо наличие любых изъянов на теле, а в особенности публичная демонстрация их (Авсония, в целом, возмущает несоответствие поведения героя этикету), считалось эквивалентом грубости и неопрятности. Все нелюбезное принято было маскировать.

По этой же причине он высмеивает поседевшего Мирона, решившего закрасить недостаток сажей:

«Ночь у Лаиды раз Мирон просил седой,
Но в том ему отказано.
Поняв причину, сажей седину свою
Он всю в цвет черный выкрасил.
С лицом все тем же, с волосами новыми
Вновь стал просить просимого.» (38.17)

И в стихотворении «Птица Феникс» «бледным недугам, старости жалкой» и «нужде, облеченной в лохмотья» нет места в «счастливейшем крае» (10 - 20).

Как видно у поэтов ни болезнь, ни старость, ни бедность не вызывают ни тени сострадания. Все в человеке должно было выдавать свежесть и благородный лоск.

Очень показателен в этом смысле и случай, когда знать и управленческая верхушка Антиохии не восприняла всерьез Юлиана, прибывшего в город в 361 году в ходе сирийского похода, и причиной чему явилась незамысловатость образа жизни императора⁹⁴. Даже при оскудении сокровищниц, собранных во времена завоеваний, аристократия сохраняла

---

⁹⁴ Кнабе Г.С. Категория престижности... С.163 – 169.

уверенность и продолжала вести традиционный для римского нобилитета образ жизни, презирая бедность⁹⁵.

Однако, простому народу эта роскошь была недоступна, да и не понятна – далеко не все спокойно реагировали на забвение исконно римских ценностей и традиций, а наглая кичливость богатством только возмущала. Потому, отчасти, общество пытается найти решение проблемы в идеализации культа предков, в попытке возрождения былых нравов и ценностей. Анализируя римскую историю, Г. С. Кнабе верно замечает, что консервативные настроения всегда были характерны для Рима в кризисные моменты, когда рушились фамильные связи и устои общества в целом⁹⁶.

Как указывает Т. В. Попова, Юлиан был одним из немногих римских императоров, бросивших вызов инерции текущих событий и старавшихся повернуть вспять ход истории⁹⁷. Своими непритязательными жизненными устоями Юлиан сам пытался явить пример обществу. В одном из своих сатирических посланий он пишет: «Ты всегда спишь ночами один, и ничто не может смягчить дикости и свирепости твоего характера, но величайшее из зол состоит в том, что ты избираешь этот образ жизни и вводишь общий запрет на удовольствия... «если ты желаешь узнать то, что обычно скрывают, то моя грудь космата, заросла волосами так же, как грудь льва, царствующего, подобно мне, среди зверей; я никогда не делал ни ее, ни какую иную часть своего тела гладкой...» (339b – 339c).

Возможно, Юлиан в послании жителям Антиохии и приукрашивает, кичась своими грязными руками, длинными ногтями и бородой, «подобной козлам» (339a), кишасей паразитами (338b – 338d), однако многие современники указывают на враждебное отношение императора к роскоши и помпезности, вплоть до игнорирования норм гигиены и опрятности.

---

⁹⁵ Бобровникова Т.А. Указ.соч. – С. 173.

⁹⁶ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры. // Избранные труды. Теория и история культуры: сб. ст. – М., 2006. – С. 158–170.

⁹⁷ Попова Т.В. Письма императора Юлиана. // Античная эпистолография. – М., 1967. – С. 226 – 259.

Примечательно и то, что на парижской статуе⁹⁸ Юлиан изображен не в порфирных одеяниях, не гладковыбритым и со сложной конструкцией прически, как это было характерно для знати его времени, а во вкусе, типичном для древнеримской традиции времен Августа: тога, волосы, просто ниспадающие на лоб, борода. Бесспорно, он следовал моде предшествующего времени, что и отразилось в деталях скульптуры.

Становятся понятными и письма Либания, где он часто отождествляет скромность, бедность с добропорядочностью: «...тот божественный и ненавидимый персами муж, в награду за добровольную бедность, дал тебе важнейший пост после императора, а Юлиану дело, нуждающееся в справедливости Радаманта» (1429а, Модесту, префекту Константинополя); «Я являюсь участником в общем благополучии под управлением наилучшего государя, но в частной жизни ничем не возвышаюсь над соседями: ни пышных построек не предпринимаю, ни земли в большом количестве не покупаю, не провожает меня толпа жезлоносцев, что бьют и пугают встречных...» (707, Антипатру). Аналогичные примеры можно увидеть в целом ряде писем (показательны: 33, Юлиану; 842, Оптату; 969, Адельфию, консуляру Галатии;). Либаний также не видел далекого будущего в новых формах общественного устройства, разделяя в этом идейные начала императора.

Отчасти, возврат к простой, не обремененной излишествами жизни, был созвучен и с христианской эстетикой, акцентирующей значение духовного, божественного начала, противопоставляя его миру материальному⁹⁹, и, следовательно, отодвигающей физическую красоту на задний план. Во фрагменте письма к жрецу император излагает явно христианские доктрины частной жизни духовенства (например, 291а, 292с), полагая, что именно благодаря такому поведению христиане добились популярности в народе.

---

⁹⁸ Робертс Дж. М. Рим и классический Запад. Том 3. – М., 1999. – С. 135.

⁹⁹ Бритова Н. Н. Указ. соч. – С. 92

И если обратить внимание на скульптурные изображения IV века, то можно обнаружить преобладание двух типов. Например, голова статуи Диоклетиана из собрания виллы Дория - Памфилии: поверхность головы покрыта мелкими насечками, имитирующими коротко остриженные волосы. Черты лица выразительные, что делает выражение лица особенно грозным: плотно сжатые губы; резкий излом бровей; глубокие складки у носа, свидетельствующие о сильной воле и незаурядном характере; широко расставленные глаза, с нависающими верхними веками и четким рисунком зрачка, придающие взгляду строгость и пристальность¹⁰⁰. Или реалистичное изображение Лициния на арке Константина. Также изображена короткая незамысловатая стрижка и борода, лицо с морщинами на лбу и переносице, так же мастерски передана суровость взгляда¹⁰¹. То есть, перед нами образы суровых и закаленных воинов, переданные средствами скульптурной лепки форм. Следовательно, республиканские идеалы пользовались популярностью в IV веке.

Второй тип продемонстрирован в многочисленных образах портретных изображениях Константина I. Возьмем образ императора, несколько раз повторенный в рельефах арки: по мнению Н. Н. Бритовой это не реалистичные изображения Константина; его индивидуальные черты, несомненно, идеализированы в классическом стиле, что проявляется в подчеркнута правильных пропорциях и симметричном строении лица; молодое безбородое лицо увенчано шапкой волнистых волос, они геометрически правильной дугой обрамляют лоб, согласно установившейся в начале века моде. Показателен его же скульптурный портрет в Галерее Уффици во Флоренции: также изображены аккуратные плавные завитки локонов, увенчанные диадемой с живописными узорами и вставками. Плавность линий не создает ощущение воинственной строгости, как это свойственно портретам первого типа; здесь передается сосредоточенность, и

---

¹⁰⁰ Бритова Н.Н. Указ. соч. – С. 88 (илл. 139)

¹⁰¹ Там же. – С. 91 (илл.146).

неземное величие. В том же духе выполнены портретные изображения императоров Валентиана I (мрамор, Копенгаген, Новая Карлсбергская глипотека) и Константа, младшего сына Константина (мрамор, Нью-Йорк, Метрополитен-музей). Очевидно, они придерживались новой моды, потому желали, чтобы скульпторы отразили это в своих работах.

Но найти компромисс не удавалось; одни оставались верны неотесанности предков, но эту добровольную аскезу подчас принимали из моды, по карьерным или имущественным соображениям, а не от искреннего понимания сути подобного стиля жизни. Другие вели помпезный образ жизни, до неприличия переходивший границы. О подобном разладе в представлениях пишет в стихотворении «На богатого выродка» Авсоний, представитель той части общества, которая всему «римскому» предпочла греческое:

«Раздут богатством, спесью весь наполненный
И благородный якобы,
Он презирает славных века нашего,
Цня лишь роды древние.
Он Марса, Рема, Ромула - зиждителя
Зовет своими предками,
Их обрядить велит в шелка сирийские,
Из серебра ваяет их,
Из воска отливает перед входом в дом,
На полках держит в атриии»

(Epigr. II, 45 (26), 5 – 10)

Авсония возмущает нелепость попыток сопоставить несопоставимое: воинственного бога, легендарных основателей Рима, чья мораль отвергала роскошь, и драгоценные металлы, дорогие заморские материи. Должно быть, герой стихотворения уже не понимал истинной сути этих образов.

И Либаний указывает на это в одном из своих писем: «Чего ты желаешь, то получаешь: похвалы, рукоплескания, поклонения многих. Кто

ни скажет о Клематии, только и слышно: «божественный правитель, бедность пренебрежение богатством» (335, Клематию). Бедность как показатель добропорядочности, и Клематий намеренно заявляет о пренебрежении богатством, чтобы завоевать популярность, но не является на самом деле таковым.

Таким образом, анализ источников позволяет говорить, что в восприятии римлян сосуществовали два противоположных образа красивого мужчины. Первый - уже привычный греко-восточный тяготеющий ко всему утонченному, изощренному, экзотичному. Характерными чертами этого образа была сложная прическа, ухоженное подтянутое тело, сложно-кроенная яркая одежда из привозных материй, а также элементы декора из драгоценных материалов. Такими предстают образы в поэзии Авсония, Клавдиана, Павлина Пеллейского, в письмах Либания. Указанные авторы свидетельствуют о том, что простота и бедность в оформлении внешности перестают быть актуальными. Новой ценностью в среде знати становится стремление к роскоши, граничащей с бесцеремонной и безвкусной демонстрацией богатствами. Также по свидетельствам Либания и Авсония можно сделать вывод, что эстетика внешности используется в престижных целях – посредством изящного вида римлянин демонстрирует значимость в обществе.

Другой вариант воспроизводил идеалы красоты раннереспубликанского времени. Атрибутами этого образа являлись короткие незамысловатые стрижки, - такие, как например у Диоклетина на статуе из собрания виллы Дориа-Памфилии или как на скульптурном портрете арки Константина у Лициния; отсутствие каких – либо косметических приукрашиваний в оформлении внешности: ярким примером здесь становится император Юлиан, у которого пренебрежение уходом за телом доходило до отказа соблюдать элементарные гигиенические нормы; наличие в составе гардероба только традиционной римской одежды: тоги, туники классических покровов. Отвергались и какие бы то ни было дорогие

элементы декора. Отчасти, консервативная идеология являла собой попытку решения проблемы развращенной морали. В некоторой мере возврат к простой, не обремененной излишествами жизни, был созвучен с христианской эстетикой, предстающей как некий совершенно не соприкасающийся с повседневной реальностью мир, транслирующей красоту умоглядную. Но, как указывают Либаний в своих письмах и Авсоний в эпиграммах, подобная простота оставалась лишь предметом стилизации, данью моде и карьерным амбициям. Истинные римские добродетели отвергались, считаясь устаревшими, не актуальными.

Так или иначе, наличие указанных альтернатив эстетики является собой не разрешенный разлад в представлениях о красоте.

§ 1.2 Представления о женской красоте по данным литературных источников

С Великими завоеваниями на Западе и Востоке, со времен средней республики, уровень жизни в Древнем Риме стремительно возрастает. О.Киффер указывает, что новое богатство и роскошь создали такие условия, где старая мораль изживала себя¹⁰². Суровая простота, строгое соблюдение обычаев, безусловный приоритет общественных интересов перед частными, ярко выраженный дух коллективизма, свойственные римлянам времен ранней республики постепенно сменяются ростом индивидуализма, отмиранием полисного патриотизма и отходом от традиционной системы ценностей¹⁰³. Институт семьи также претерпевает изменения. Желание независимости, более значимой роли в обществе со временем приводят римлянку к ее относительной эмансипации¹⁰⁴. На этот счет С. И Маловичко справедливо замечает, что когда рушится целая экономическая эпоха, невозможно, чтобы природа и облик женщин оставались неизменными, ведь

---

¹⁰² Киффер О. Указ. соч. – С. 167.

¹⁰³ Немировский А.А. История Древнего мира (Восток, Греция, Рим).: [Эл. ресурс].– URL: <https://history.wikireading.ru/287200>.

¹⁰⁴ Киффер О. Указ. соч. – С. 168.

богатства и возможности всегда оказывали более сильное воздействие на дух женщин, чем мужчин¹⁰⁵.

С этого момента, согласно источникам, римлянки начинают чаще появляться на публике среди мужчин в термах, в театрах и на Форуме, принимают гостей в своем доме; при этом, знатные женщины тщательнейшим образом следят за собственным убранством, тратя на внешность огромное количество времени и средств перед каждым появлением в свете. В планировке римских жилищ под эти нужды отныне выделялась отдельная комната, в составе домашней прислуги – специально обученные рабы.

Последовавшие далее развитие внешней торговли, а также более тесное знакомство с эстетикой греко-восточного мира открывали широкое разнообразие средств и способов украшения, в связи с чем римские женщины начали замечать и активно воспроизводить греко-восточную красоту, со временем все заметнее отходя от традиционных норм в оформлении внешности.

В частности, в среде богатых римлянок начинают развиваться навыки макияжа. Ж. Каркопино указывает, что палитра декоративной косметики римлянки к этому времени была представлена целой батареей баночек и флаконов, арибаллов и алебастров, *gutti* (сосуды с длинным узким горлышком) и коробочек, где находились притирания, помады, румяна, белила, пудры, тени¹⁰⁶, и многие другие принадлежности женского туалета, щедро и регулярно используемые.

Женская прическа усложняется. Монетные и скульптурные изображения, а также описания источников представляют большое разнообразие видов женских причесок. Локоны волос могли завиваться и оставаться распущенными, или собираться самыми разнообразными способами в сложнейшую конструкцию; иногда волосы собирали в

---

¹⁰⁵ Маловичко С.И. Локальная история и историческое краеведение с точки зрения источниковедения историографии: статья.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/464>.

¹⁰⁶ Каркопино Ж. Указ. соч. – С. 231.

греческий узел или в многочисленные косы. Источники позволяют утверждать, что обыденной практикой становятся частая смена цвета волос, использование разноцветных париков и накладок.

Также совершенствуются знания о гигиене и опрятности. По свидетельству источников, водные процедуры (а именно, посещение общественных терм), уход за кожей, ногтями, чистка зубов становятся частью ежедневного туалета римлянки.

С изощрением нравов меняются и взгляды на тщательность убранства женщины. Под этим понимается именно то, насколько женщина проявляла скромность в искусстве украшать тело. В источниках позднеереспубликанского времени и времен принципата приводятся различные примеры того, как женщины могли одеваться. Особенность украшения одеждой женской фигуры заключалась в том, что stole (эквивалент мужской тоги¹⁰⁷) старательно придавали красивую форму посредством драпировки. Величаво и строго выглядели уважаемые матроны в столах с длинными церемонными складками¹⁰⁸. Но совершенно иной эффект производили модницы и женщины легкого поведения; у них одежда была яркой, из дорогих привозных тканей – очень тонкого сукна, шелка, либо хлопка, в том числе прозрачной муслины–паутинки¹⁰⁹.

Образ дополнялся ювелирными украшениями, характеризующимися с этого времени большим разнообразием и обилием драгоценных вставок. Отметим наиболее показательные. Например, источники упоминают серьги, сделанные из одной единственной большой жемчужины (в каждой из пары) археологические данные и юридические перечни женского имущества представляют золотые серьги в форме полумесяца или миниатюрных золотых весов с жемчужинами по краям, золотые и бронзовые *crotalia*, названные так потому, что звенели при каждом движении¹¹⁰; разнообразные

---

¹⁰⁷ Каган Ю.М. Указ. соч. – С. 132.

¹⁰⁸ Кифер О. Указ. соч. – С. 137.

¹⁰⁹ Гуревич Д., Рапсат–Шарлье М.–Т. Указ. соч. – С. 66.

¹¹⁰ Анджела А. Указ. соч. – С. 148.

обручи на руки и ноги, например браслеты, с обращенными друг на друга левыми или змеиными головами, с глазами из изумруда¹¹¹, также обручи на щиколотки ног - *periscelides*, похожие на золотые «хальхали», которые носили арабские женщины¹¹². Также известно о браслетах, обвивавших на греческий манер руку змеиными петлями, и о различных видах ожерелий – в виде золотых нитей, закрывавших всю грудь, или больших золотых колец, надеваемых крест–накрест, на манер патронташа¹¹³.

М. Е. Сергеенко приводит описание застежек и фибул, сделанных из драгоценных металлов, и украшенных еще более дорогими камнями(найденны в Геркулануме)¹¹⁴.

А. Анжела утверждает, что римлянки носили и кольца. И если раньше это было мужское украшение, выполненное из железа и используемое в практических целях, как печать, то с развитием роскоши и среди женщин вошло в моду их носить, но как ювелирные украшения. Иногда женскую руку украшало единственное массивное, широкое золотое кольцо, в центре которого вставляли драгоценный камень. П. Гиро вовсе пишет о том, что римлянки часто носили одновременно множество колец, по несколько – на каждом пальце.¹¹⁵

В целом, с появлением роскоши источники наполняются многочисленными упреками в сторону женщин за чрезмерное увлечение украшательством. Наличие подобных высказываний говорит о том, что ранее весь этот блеск был римлянке не знаком, а возникнув, спровоцировал кризис консервативной идеологии в римском обществе, который к IV веку лишь усилился. Женская эмансипация продолжала развиваться, к тому же, в Империи полностью вырождаются представители аристократии, имевшие древние италийские корни – как правило, хранители старых обычаев и

---

¹¹¹ Анджела А. Указ. соч. – С. 148.

¹¹² Каркопино Ж. Указ. соч. – С. 237.

¹¹³ Анджела А. Указ. соч. – С. 148.

¹¹⁴ Сергеенко М.Е. Помпеи. – С. 100.

¹¹⁵ Гиро П. Указ. соч. – С. 185.

традиций. Основой образа жизни в среде новой элиты становится роскошь. Потому внешность женщины теперь - и показатель ее статуса.

Характеристики женской красоты представлены в греческом романе «История Аполлония, царя Тирского», переведенного в IV веке на латынь, и, по всей видимости, пользовавшегося популярностью. В нем удивительная красота героинь всегда обретала громкую славу и имела судьбоносное значение: например, соблазненные «необыкновенной красотой» дочери Антиоха, «отовсюду, приходили просить руки многие цари и правители, пренебрегая опасностью» (3). Красота спасает супругу Аполлония, по ошибке считавшуюся умершей и вверенной морским волнам в залитом свинцом гробу. Ученик врача, обнаружившего гроб, понял что она жива; «увидев лежащую в гробу мнимоумершую девушку в царских уборах и очень красивую» (26), он не оставил ее едва живой на произвол, а принялся спасать. Красота Тарсии, дочери Аполлония, славилась на весь город Тарс, и из-за ее же красоты с ней происходили разного рода злоключения: зависть мачехи Дионисиады, пытавшейся ее убить, или роковая встреча с алчным сводником, также приметившего прелести девушки и решившего заработать на них. Источник позволяет заключить, что в позднеантичном обществе женская красота уже не только частная характеристика жены или дочери, проявляющаяся в приватном семейном кругу, но и способ достижения материального и социального благополучия.

Обращает на себя внимание лексика романа. Называя героинь красивыми, автор всегда употребляет прилагательные, семантика которых передает уникальность их внешности: дочь у царя Антиоха «девушка необыкновенной красоты» (1), у «очень красивой» (26) дочери Архистрата «необыкновенная прелесть голоса» (16), и дочь Аполлония, Тарсия, вырастает удивительно красивой, что тут же было примечено жителями Тарса (31). И если в прилагательных отражается авторское (субъективное)

отношение к описываемому объекту¹¹⁶, эта избирательность в подборе лексического состава, и частота употребления слов с подобной смысловой окраской («удивительная красоты», «необыкновенная красота», «очень красивая») дают возможность сделать вывод, что в позднеантичном обществе в эстетическом смысле предпочтение отдавалось всему незаурядному.

Чтобы быть замеченными, римлянки при создании своего образа заимствуют элементы греко-восточной красоты. Именно такой в романе предстает после долгой разлуки супруга Аполлония перед родственниками: «Услышав, что пришел царь, жрица облеклась в царские одежды, убрала голову драгоценными камнями и в пурпурном одеянии, сопровождаемая толпой прислужниц, вошла в храм. При ее появлении Аполлоний вместе с дочерью и зятем пали к ее ногам: такое сиянье излучала ее красота, что они приняли ее за богиню Диану» (48). Обилие драгоценных камней, пурпурные одежды, прислужницы – все это определяло ее как женщину царского рода.

Создавая панегирические речи жене и дочери Стилихона¹¹⁷, Клавдиан повсеместно использует каноны греческой красоты в передаче образов знатных особ, что, вероятно, соответствовало вкусам общества.

Воспевая Серену и ее сестру Ферманцию в «Похвале...», поэт упоминает белизну кожи девушек, подчеркивая тем самым, по всей видимости, аристократичность их происхождения:

«Едут две сестры, государева дочери брата,
Младшей имя — Серена, а старшей — Ферманция имя,
Обе девицы, обеим еще под Кипридино иго
Белые шеи не гнул Гименей, у обеих во взорах
Светлая робость горит, и обеих прекрасные лики
Пламень рождают в сердцах» (115 - 120)

В свадебной речи «На бракосочетание Гонория и Марии» с помощью изящных сравнений Клавдиан возвеличивает неземную красоту невесты:

---

¹¹⁶ *Илюшечкин В.Н.* Указ. соч. – С. 131 – 141.

¹¹⁷ *Преображенский П. Ф.* Указ. соч. – С. 227.

«Чье чело достойней венца? Чей облик достойней
Скиптра? Розам — твои уста, снегам — твоя шея,
Кудри — темным фиалкам, а взор — огню не уступит.
Как хорошо столь тонкий просвет разделил твои брови!
Как хорошо в румянце стыда сочетаются алость
И белизна, чтоб лицо не пылало излишеством крови!
Краше перстами Зари и краше плечами Дианы,
Ты превзошла красотой даже мать» (265-270)

Здесь же воспевается и образ матери невесты, подобно Венере – златокудрой и светлокожей:

«Та между тем, не гадав, что уже ей готовится ложе
Брачное, мирно сидит, в материнской божественной речи
Дух материнский вливает,..
Льется кругом аромат, и вот, в сиянии чуда,
Встала Венера, и медлит, дивясь, и взор переводит
С дочери милой на мать златокудрую с белою шеей... (230; 240)

Культ светлой кожи, золотых волос, «стыдливого» румянца на лице и нежных губ – все это элементы греческих представления о красоте, в совокупности своей не свойственные от природы смуглокожей темноволосой римлянке, потому делавшие ее не похожей на обычных женщин.

Гардероб римлянки также меняется в сторону еще большей роскоши и контрастности традиционной одежде. Сменившая столу палла¹¹⁸, привнесенная из гардероба гречанок, по-прежнему позволяла драпировать тело в соответствии с личными предпочтениями. Но в III-IV веках развитые формы и подчеркнутые пропорции, выявляемые драпированной одеждой, зачастую сменяются плоскими статичными формами, в особенности, если речь идет о женщинах знатных кругов. Легкие и тонкие греческие и ассирийские шелка, теперь используемые, в основном, женщинами легкого поведения, заменяются здесь тяжелыми восточными тканями с крупным

---

¹¹⁸ Хафнер Г. Указ. соч. – С. 182.

рисунком¹¹⁹. Они держали форму, не позволяя демонстрировать пластику фигуры, передавая величавость и строгость образа¹²⁰.

Однако, рисуя женские типы, авторы имеют в виду зажиточных женщин, - как в панегирических речах Клавдиана, так и в «Истории Аполлония...» речь идет о представительницах царского рода, где простота, скромность, при условиях вседозволенности и вседоступности, являются безынтересными. Уже одна знатность рода, по словам Клавдиана, давала повод возноситься над остальными, презируя бедность:

«Не от убогих тебе твое имя даровано ларов:

Ты вознеслась уже тем, что дядя твой был государем

И полководцем твой дед, который в британские зыби

Римский стяг заносил и смирял гетулийские копья» (Epithalamium Palladio et Celerinae, 35-40)

Под «убогостью ларов» здесь имеется в виду скромное (бедное) происхождение рода.

Понятно, что в глазах гораздо менее обеспеченных слоев, составлявших большинство общества, наглая демонстрация богатства расценивалась как упадок нравственности. О жизни простых женщин известно мало, но, несомненно, что при резкой классовой дифференциации, царившей в позднеантичном обществе, римлянкам даже среднего класса такая роскошь была не доступна¹²¹. Да и времени на длительные туалеты не было, – их утро начиналось со множества дел¹²². Среди этого большинства староримский стиль и образ жизни продолжали существовать до конца империи.

Отметим, что социально-психологические представления римлян о поло-ролевом поведении мужчин и женщин развивались под влиянием традиционной патриархальной идеологии. В царские времена и во времена

---

¹¹⁹ Ильина, Т.В. Указ. соч. – С. 36 - 46.

¹²⁰ Кифер О. Указ. соч. – С. 137.

¹²¹ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – Ленинград, 1964. – С. 78.

¹²² Сергеенко М.Е. Помпеи. – Ленинград, 1949. – С. 112.

ранней республики активная жизнь матроны ограничивалась кругом семьи, ведением хозяйства и воспитанием детей, и лишь ее участие в публичных, т.е. государственных священнодействиях позволяло женщине ощущать себя членом более широкой общности - римской гражданской общины, *civitas*. Под влиянием обыденных понятий о подчиненной роли женщины сформировался и ее образ - *domiseda, lanifera*, т.е. домоседка, шерсть прядущая¹²³. Социально значимыми выступали внутренние добродетели женщины, тесно связанные с домом и семьей¹²⁴. Ж.-Н. Робер отмечает, что в личности римлянки ценными являлись, в первую очередь, твердость и практичность (хозяйственность) ее характера¹²⁵, столь необходимые для исполнения домашних функций. Этой же формуле (семья, дом) должны были отвечать и ее эстетические достоинства.

Вероятно, поэтому интеллектуалы эпохи, подмечая столь яркую социальную рознь, видели решение в возрождении былых нравов. Посвящая посмертные песни своим родственникам, Авсоний идеализирует их образы в соответствии с традициями царской и раннереспубликанской поры. Скромность, верность семье и заботливость о ней он воспекает в стихотворении, посвященном своей матери, Эмилии Эонии:

«Все совместились в тебе добродетели честной супруги —

И незапятнанный стыд, и трудолюбие рук,

И воспитанье детей, и верность законному браку...» (II, 5)

Честность, силу духа, увлечение традиционным видом домашнего труда – прядение – достоинства его сестры Юлии Дриады:

«Есть добродетелей круг, желанных для женщины честной;

Все до единой они жили в душе у сестры.

Мало того: и мужам благородным присущую доблесть

В сердце вместила она, сильному полу в упрек.

---

¹²³ Маяк И.Л. Женщина в раннем Риме (V – IV вв. до н.э.). // Женщина в античном мире: сб. статей. – М., 1995. – С. 75 – 103.

¹²⁴ Свенцицкая И. С. Указ. соч. – С. 156 – 167.

¹²⁵ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 135.

Прялкой питала она свою жизнь и честное имя,
Добрый был ее нрав и образцом для других...» (XII, 5)

Эти же добродетели, в противовес внешней красоте и показной роскоши, присущим эпохе, вплетаются и в остальные женские образы надгробных речей Авсония (показательны речи V,5; XVI,5; XIX, 5-10).

Отметим, что консервативные идеалы Авсония приведены в эпитафиях, по своему жанру обладавших общему направленностью – говорить об умерших только хорошее, и имевших большое нравственное и воспитательное значение и для семьи, и для окружающих лиц¹²⁶. В очередной посмертной речи о жене Юлиана Цензора он недвусмысленно ссылается на нравы предков: «Знатность рода тебе завещала старинные нравы, Урбика,..» (30).

Понятно, почему и у Клавдиана присутствует ссылка на «нравы седой старины»:

«Добрые нравы твои превзошли бы предания древних.

Право, ты выше была, чем та, чью достойную скромность
Уподоблял хвалебный Гомер трехликой Диане» (Epit., 140)

«Та между тем, не гадав, что уже ей готовится ложе

Брачное, мирно сидит, в материнской божественной речи

Дух материнский впивает, примеры достойные учит

Чистых нравов седой старины и в руках ее свитки

Римских и греческих книг, в которых ей мать раскрывает

Все, что пел и фракийский Орфей, и старец из Смирны

Или Сапфо подбирала к ладам митиленской кифары» (Epit., 230-235)

Также в сочинениях Клавдиана неоднократно встречаются и злые героини со «змеиными прическами»; например, Аллекто из сочинения «Против Руфина»:

«... откинув со лба змеиные черные пряди,

Чтобы вились, шипя, по плечам, исторгает из глубей

---

¹²⁶ Колосовская Ю. К. Указ. соч. – С. 142 – 155.

Сердца скопившийся гнев...» (I, 40),

Или злодейка в «Похищении Прозерпины» (III, 385).

Идея этих антиидеалов очевидна: зло, алчность, корысть, присущие этим персонажам – антиподы моральным качествам республиканской римлянки – заботливой жены, любящей матери и честной гражданки; поэтому подобные действующие лица в его произведениях представлены как символ женского уродства.

В ранее упомянутом романе «История Аполлония...» наряду с тем, что его героини красивы, также подчеркивается и их высокая нравственность: дочь Антиоха готова покончить с собой из-за того, что ее насильно обесчестил отец; супруга Аполлония, разлучившись с мужем, уходит служить жрицей в храм Дианы; а его дочь, попав в руки сводника, готова на унижения и слезы перед своими клиентами, лишь бы они не воспользовались ее услугами по прямому назначению.

Так женщине предписывалась определенная модель поведения со своими обязательствами, ограничениями и запретами. И, как правило, сложившиеся стереотипы, соответствующие традиционным нормам и оценкам, не подвергались критике; материальное и социальное благополучие женщины во многом зависело от ее соответствия эталону добропорядочной жены и матери и от противодействия тем, кто уклонялся от этого стандарта. Преступившая эти идеализированные понятия женщина рисковала, прежде всего, своей репутацией¹²⁷.

Однако призывы к скромности не могли остановить римлянок. Знать продолжала вести привычный образ жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что страсть к драгоценностям остается, и нисколько не умалется, несмотря на попытки предшествующих веков законодательно ограничить женщину в роскоши¹²⁸. В той же серии панегириков знатным особам

---

¹²⁷ Репина Л.П. Гендер в истории: проблематика и методология исследований. // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций. – М., 2001. – С. 15.

¹²⁸ Утченко С.Л. Две шкалы... – С. 22 – 33.

Клавдиан отмечает, что увлечение украшательством являлось привычным для женщин его времени:

«О Каллиопа, скажи: зачем так долго ты медлишь
Свой пиерийский венок возложить в украшенья Серене?
Может быть, — думаешь ты, царица, — убого царице
Лоб венчать, привыкший носить самоцветы и перлы,
Вязью простых цветов?» (Carmina minora., XXX, 5)
«А без него ни волос золотых ты не трогала гребнем,
Ни в драгоценных камнях не искала привычной прикрасы, —
Дух твой был обращен к небесам, и в молении кудри
Прах предалтарный мели: красота позабытая меркла,
Чтобы опять воссиять с возвращением мужа» (Carmina minora., XXX,
220)

Вышеупомянутая белизна кожи женщины, позаимствованная у гречанок (славившихся своим реальным затворничеством), должна была наводить на мысль о жизни, проводимой матроной дома в «женских» делах и занятиях, в соответствии с традиционными представлениями: воспитание детей, забота о доме, надзор за приготовлением повседневной еды, подготовка праздников и пиров. И судя по тому, что в вышеупомянутых строках о Селене и Ферманции Клавдиан приводит эту характеристику внешности как признак аристократичности, староримский идеал женщины-домоседки сохраняется хотя бы частично, во внешней атрибутике и в представлениях элиты.

И в «Похищении Прозерпины» Клавдиан упрекает римских женщин в безмерном увлечении косметическими средствами, намекая на то, что естественные проявления красоты лица, вызываемые примерной стыдливостью пригляднее:

(О Прозерпине) «... покрыл румянца пурпур ланиты
Нежные, и белизна стыдливая светом горячим
Вмиг озарилась. Не так краснеет от краски лидийской

И от сидонских румян горожанок бледная кожа»

(Ratto di Proserpina, I. 270)

То есть, белизна, стыдливый румянец оставались лишь косметическими способами украшения, направленными на обозначение места римлянки в социальной иерархии.

Потому и при обилии украшений и дороговизне материй, одеждой римлянки намеренно скрывают достоинства фигуры, демонстрируя таким способом убранных определенную скромность.

Итак, источники позволяют утверждать, что представления о женской красоте в позднеантичном обществе основывались на нормах греко-восточной эстетики, отраженных в образах героинь панегирических стихов Клавдиана и романа «История Аполлония, царя Тирского». Сложность прически, яркость макияжа, отказ от стелы в пользу иноземных одежд, обилие драгоценностей во внешнем облике формировали яркость и незаурядность внешнего облика римлянки, а вместе с тем являлись в глазах современников синонимом испорченности нравов. Резкая классовая дифференциация, а также все еще сильные патриархальные традиции обязывали женщину соответствовать и старореспубликанскому идеалу женщины-домоседки. Потому произведения этого времени, имевшие и воспитательное значение для общества, часто затрагивают проблему женской морали: Авсоний в эпитафиях воспекает женщины в ореоле республиканских добродетелей; у Клавдиана, наряду с утонченными образами жены и дочери Стилихона, есть ссылка на старинные римские нравы, а также имеются и антиидеалы женской сущности - алчные героини со змеиными прическами; и в «Истории Аполлония...» наряду с тем, что его героини красивы, также подчеркивается и их высокая нравственность.

Следовательно, в восприятии женской красоты также наблюдается двойственность, и выражается это в попытке совмещения римскими женщинами в своей внешности разнообразия, роскоши, существовавших в их повседневности уже со времен республики (то есть являвшимися

привычными в IV веке) с насаждаемыми социальными рамками скромностью, практичностью. Примером выступает манера убранства римлянки: сложность прически и дороговизна косметических средств контрастируют с белизной кожи, синонимичной с домашними заботами, исключая времяпребывание под палящим солнцем; яркость материй и обилие украшений со строгостью формы в одежде.

Вывод к главе I. В рассматриваемую эпоху в римском обществе сосуществовало несколько идеалов красоты.

В среде знати ценилась эстетика эллинской и восточной культуры, характеризующаяся тяготением ко всему утонченному, необычному, изощренному. В частности, в оформлении лица приветствовались не свойственные природе италийцев белая кожа, светлые волосы. Эстетичность тела определялась по гладкой блестящей коже и подтянутости форм. В манере одеваться наблюдается отход от традиционной одежды: тога и стола сменяются греческими плащами разноплановых фасонов, а также другими видами одежды, восточного и варварского происхождения; наблюдается тяготение к дорогим материям, броским орнаментам и обилию украшений.

Изящество внешности являлось особенно актуальным в позднеантичном обществе. Ведь ценность красоты заключалась не просто в эстетическом наслаждении ею; представители элиты ставят свою внешность на службу практическим целям: желание посредством своего облика продемонстрировать свою значимость, приобрести высокую оценку и уважение себе подобных.

О простых людях известно мало, но, несомненно, они не имели времени и средств на подобные преобразования. Их представления на этот счет сводились к довольствованию естественным ходом вещей, и были более верны староримским традициям в оформлении внешности. Потому в произведениях многих авторов присутствует отсылка к нравам позднереспубликанской поры. Однако реальная жизнь римлянина не соответствовала этим идеалам, и найти гармонию между новшествами и

традиционными нормами не удавалось. Кичливость оставалась уделом элиты, для остальных же преподносился образ предков – идеал нравственности и добропорядочности.

ГЛАВА II. КРАСОТА ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РИМЛЯН

§ 2.1 Особенности оформления городских жилищ

Общественная жизнь связана с бытом потому, что воплощена в людях, и лишь в деятельности людей осуществляются ее коренные процессы - производство, классовая борьба, социальные отношения, культура. Люди же эти живут в домах, окружены своими, их продолжающими и их выражающими вещами, пользуются так, а не иначе устроенными орудиями труда, руководствуются привычками и нормами. Соответственно, и участвуют они в жизни общества, движимые не биологическим инстинктом, а повседневными человеческими потребностям. Не входя сами по себе в административное устройство или право, в войну или идеологию, повседневная среда и быт образуют их подпочву и подсознание. Быт, со своей стороны, неотделим от социально-политических и идеологических процессов потому, что вся семантика повседневных форм жизни, бытовых вещей, материально-пространственной среды, их стиля и моды, основывается, положительно или отрицательно, на общественном опыте. По замечанию Г. С. Кнабе, переходные периоды общественной жизни Рима всегда сопровождалась притоком богатства и, соответственно, усложнением быта и развитием предметного мира¹²⁹.

Руководствуясь археологическими данными, Г. А. Цветаева отмечает, что ранний Рим был простым и бедным. Жилищами в первых веках I тысячелетия до н. э. служили примитивные круглые и прямоугольные хижины со стенами, сплетенными из ветвей, обмазанными глиной, и с соломенной крышей¹³⁰. Сведения о планировке (тем более об обстановке) домов этого времени ограничены. Более обширные данные о бытовом пространстве римлянина представляют образцы, относящиеся примерно к IV

---

¹²⁹ Кнабе Г. С. Материалы к лекциям... С.118.

¹³⁰ Цветаева Г. А. Дом и частная жизнь. – М., 2007. – С. 235.

– III вв. до н.э. Это, как и ранее, небольшие жилища, служившие их небогатым хозяевам мастерской и лавкой. Жилая часть в них, не более одной комнаты, была отделена загородкой от торгово-ремесленных помещений, называвшихся табернами. Нередко эти дома имели вторые этажи¹³¹.

Приблизительно к этому же времени из зажиточной деревенской усадьбы сформировался и типичный городской италийский дом. Обширный атриум, сложившийся из прямоугольного двора с очагом деревенского жилища, окруженного хозяйственными постройками, также оставался частично открытым, и в центре него по-прежнему находился очаг. У очага собиралась семья; от его дыма стены и потолок атриума были закопчены, от чего и произошло название помещения: «атер», что значит «черный». Атриум был центром и самым священным местом дома - все важные семейные церемонии происходили в нем: заключение браков, наречение именем младенцев, погребальные обряды и официальные приемы посетителей. В глубине атриума находилась спальня хозяина, где из малочисленной предметной обстановки была кровать и сундук для документов, а по сторонам от комнаты были крылья, в которых стояли шкафы и изображения домашних богов — ларов; в остальных частях дома располагались комнаты членов семьи и рабов¹³².

И по сведениям раскопок в Помпеях, по-прежнему дома этого времени оставались скромными и небольшими, - занимавшие площадь примерно 15 X 15 м и имевшими замкнутый, суровый вид, так как на улицу выходили их глухие стены, а на фасаде выделялся только вход в лавки-мастерские, если таковые были. Вероятно, такими были и дома патрициев в Риме до проникновения в него роскоши¹³³. Полное отсутствие роскоши и даже бедность дома времен республики объяснялись самой жизнью римлян,

---

¹³¹ Цветаева Г.А. Указ. соч. – С. 235..

¹³² Корелин М.С. Указ. соч. – С. 32.

¹³³ Цветаева Г.А. Указ. соч. – С. 235.

которые большую часть времени проводили вне дома¹³⁴. Жилище должно было лишь обеспечивать более или менее комфортный и безопасный ночлег.

Дальнейшие изменения атриумного дома связаны с завоеванием Римом во II в. до н. э. Греции, когда римляне познакомились с богатыми греческими домами с перистилями — светлыми внутренними двориками. Г. С. Кнабе справедливо замечает, что переходные периоды общественной жизни Рима, какими и являлись последние столетия, предшествующие новой эре (II – I вв. до н.э. - конец республиканского времени и начало принципата), сопровождалась притоком богатства и, соответственно, усложнением быта. С этого времени усиливающееся влияние эллинистической культуры вносит свои коррективы в римский жизненный уклад¹³⁵. В сознании римлян постепенно формируется понятие личной жизни, которое повлекло за собой потребность в комфорте и защищенности от посторонних глаз¹³⁶. Поэтому возникла потребность в преобразовании жилого пространства. При этом архитектурная основа остается неизменной¹³⁷. К старому италийскому домусу лишь добавляются новые помещения. Пристраивается перестильный дворик с садиком, окруженного колоннами по образцу греческих царских парков. Стены сада украшаются портиками или верандами, на которых выставляются скамейки. В саду были устроены прямые аллеи, усаженные во всю длину буксом и заканчивающиеся зелеными беседками¹³⁸. Вокруг перистиля располагались жилые помещения. Дом, изначально закрытый, замкнутый в себе словно устрица¹³⁹, раскрывается этим садом, защищавшим своих жителей от палящего солнца¹⁴⁰. Теперь здесь отдыхали, принимали близких друзей, иногда обедали. Атриумная часть остается, однако она становится местом официальных приемов, очаг из него был перенесен в особую кухню, а на его месте появился неглубокий бассейн-водосборник

---

¹³⁴ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 51.

¹³⁵ Крюков А.С. Из истории слова Dominus. // ВДИ. 1998. № 1. – С. 272 – 281.

¹³⁶ Ляпустина Е.В. Указ. соч. – С. 161.

¹³⁷ Там же. – С. 163.

¹³⁸ Гиро П. Указ. соч. – С. 153.

¹³⁹ Анджела А. Указ. – С. 17.

¹⁴⁰ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – 51.

«имплювий», дающий прохладу в жару. Также пристраиваются дополнительные комнаты и многочисленные столовые для приемов¹⁴¹. В источниках этого времени описываются также пиршественные залы, приспособленные к различным временам года: летние залы часто не имели потолка и были украшены ползучими растениями, из которых образовывался зеленый навес¹⁴². Наряду с этими преобразованиями умножаются помещения для бытовых нужд и жилых комнат для хозяев и прислуги¹⁴³.

В конструктивном плане римляне, как и раньше, оставались верны старым этрусским образцам. Во времена принципата появляется новая для римлян архитектурная форма - свободно держащийся свод, переходящий в обширный купол¹⁴⁴; и отметка центра, таким образом, становится одним из типично римских архитектурных канонов жилого комплекса. Насколько греки любили больше всего прямую линию, настолько римляне отдавали предпочтение кривой¹⁴⁵. Исследуя древнеримский жилой комплекс, Д. Дж. Уотс и К. М. Уотс приходят к выводу, что при такой конструкции римляне получали множество преимуществ: во-первых, возможность покрывать огромные залы, не прибегая к подпоркам в виде промежуточных рядов колонн: таким образом, они выигрывали в пространстве и освещении. Во-вторых, благодаря своду, появилась большая свобода при составлении плана зданий: теперь уже не нужно было ограничиваться исключительно прямоугольными комнатами, появилась возможность разнообразить форму помещений до бесконечности¹⁴⁶. Пристрастие к дугообразным линиям заставляло их умножать число сводов в своих жилищах и вводить большие и маленькие арки. Это отличительная черта сразу бросается в глаза при сравнении развалин римских и греческих зданий: округленные формы,

---

¹⁴¹ Блаватский, В. Д. Архитектура Древнего Рима. С. 11.

¹⁴² Гиро П. Указ. соч.– С. 152.

¹⁴³ Суздальский, Ю. П. На семи холмах: очерки культуры Древнего Рима. / Ю. П. Суздальский, Б. П. Селецкий, М. Ю Герман. – 2–е изд. – М.: Просвещение, 1965. – 399 с. – ISBN 978–5–458–68181–0.

¹⁴⁴ Лосев А.Ф. Указ. соч.– С. 45.

¹⁴⁵ Гиро П. Указ. соч.– С. 19.

¹⁴⁶ Уотс Д.Дж. Древнеримский жилой комплекс.: [Электронный ресурс] – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1415877747>.

приближающиеся к полному полукругу, превалируют в римских развалинах¹⁴⁷.

Постепенно по всему Риму появляются частные домусы подобного строения. Раскопки крупных городов Римской империи показывают, что в постройке всех больших домов этого времени стало заметно влияние греческих образцов архитектуры¹⁴⁸, но при этом сохранялась основа этрусского зодчества.

Попытки совместить традиционные и новые элементы прослеживаются и в отделке жилища. Стены помещений теперь на греческий лад украшают терракотовые и мраморные плитки, фигурная и расписная мозаика¹⁴⁹. Однако, А. Ф. Лосев подмечает, что орнаментика у римлян гораздо пышнее, чем у греков: «Тут не только аканфовый лист, тут и плющ, и лавр, и пальма, тут и всякие необыкновенные человеческие фигуры, и животные; все сложно и разнообразно¹⁵⁰. Раскопки в Геркулануме и Помпее открыли европейскому культурному миру небывалую роспись стен, которую можно было находить только в Новое время и к которой совсем неспособна греческая классика»¹⁵¹. Пестрота усиливалась за счет фресок на стенах, имитирующих некоторые предметы домашнего обихода: мнимые двери, поддельные занавеси, даже иллюзорные пейзажи (порой чередующиеся с настоящими, видными сквозь проемы в стенах, как на знаменитой вилле в Оплонтисе, современный город Торре-Аннунциата, возможно, принадлежавшей Помпее¹⁵². Целые картины писали на свежей штукатурке стен¹⁵³. Мозаичные полы, мощные мраморными и порфирными плитками¹⁵⁴, мелкими частичками стекла и даже дорогими камнями, выставленные в целый художественный сюжет¹⁵⁵; лепные потолки, украшенные золотой и слоновой костью – все это любимая

---

¹⁴⁷ Гиро П. Указ. соч. – С. 19

¹⁴⁸ Там же. – С. 153

¹⁴⁹ Велишский Ф. Указ. соч. – С. 128.

¹⁵⁰ Лосев А.Ф. Указ. соч. – С. 45.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Анджела А. Указ. соч. – С. 11.

¹⁵³ Велишский Ф. Указ. соч. – С. 124.

¹⁵⁴ Лосев А.Ф. Указ. соч. – С. 45.

¹⁵⁵ Велишский Ф. Указ. соч. – С. 128.

римская форма¹⁵⁶. Импливий сам по себе служил украшением: в этом внутреннем "бассейне" отражалось лазурное небо с облаками, напоминая лежащую на полу картину. А. Анджела отмечает, что в то время как мы считаем, что в большинстве случаев верхом элегантности белый цвет стен, римлянин считал бы их недоделанными, подобно натянутому на раму пустому холсту¹⁵⁷. На смену приверженности простоты и минимализма приходит любовь к чистой декоративности. Такая трансформация мышления объясняется распространением роскоши и сменой строя жизни в целом¹⁵⁸. Прием клиентов в роскошной обстановке способствует ощущению превосходства патрона¹⁵⁹. Таким образом, наряду с практичностью и комфортабельностью, жилище богатого римлянина должно было свидетельствовать о его статусе.

Становится престижным подражать греческим образцам в оформлении жилищного пространства. И далее, в императорскую эпоху, рецепция эллинских эстетических норм в жизненном укладе римлянина лишь усиливалась¹⁶⁰. Быт римлянина все больше претерпевал обогащение и развитие предметного мира¹⁶¹. Г. С. Кнабе отмечает, что, впрочем, выражалось это не в появлении каких-либо новых предметов домашнего обихода, а в их качественном преобразении. В частности, ни квартиры бедняков *insulae*, ни *domus*, по-прежнему, не загромождались мебелью¹⁶². В большинстве случаев обстановка насчитывала лишь самые необходимые предметы¹⁶³: кровать, стол для обеда и приготовления пищи, маленькие столики, несколько табуреток и стульев, пара сундуков, канделябры¹⁶⁴. Не менялся и материал основы. На протяжении всей римской истории мебель

---

¹⁵⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч. – С. 45.

¹⁵⁷ Анджела А. Указ. соч. – С. 18.

¹⁵⁸ Коуэль Ф. Указ. соч. – С. 21.

¹⁵⁹ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 34.

¹⁶⁰ Бычков В.В. Эстетика поздней античности: II – III века: (Раннехристианская эстетика). – М., 1981. – С. 166.

¹⁶¹ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры. – С. 160.

¹⁶² Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 40.

¹⁶³ Коуэль Ф. Указ. соч. – С. 20.

¹⁶⁴ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 46.

оставалась деревянной; преображалась она посредством накладок и аппликаций¹⁶⁵.

Во многих источниках упоминаются ложа, обитые медью или бронзой, либо инкрустированные черепаховой и слоновой костью; покрывавшие их дорогие декоративные ткани, мягкие подушки и дорогие ковры скрывающие весь немногочисленный интерьер. Спинки и рамы кроватей в богатых домах также искусно украшали накладками из золота, серебра, драгоценными камнями, слоновой костью и тем же черепаховым панцирем. Пурпурные покрывала, вавилонские ковры, матрасы из стриженной шерсти овец, подушки, с наполнителем из дорогостоящей левконской шерсти, или из пуха от германских гусей – все это, согласно мнению современников, являлось невероятно дорогими вещами, находящихся по своей ценности в одном ряду с картинами, статуями и посудой чеканного серебра.

М. Е. Сергеенко выделяет любовь римлян к различным изящным маленьким столикам из слоновой кости, мрамора или же редких пород дерева (кипарис, ретийский клен), в немалом количестве расставляемых в комнатах лишь в качестве украшения. По замечанию историка, итальянские мебельщики здесь проявили большую оригинальность, украсив не крышку стола, скрытую поставленными на нее предметами, а ножки – ту часть, которую ничто не закрывает и которая сразу привлекает внимание входящего¹⁶⁶. Им придавалась форма изящно изогнутых козьих копыт, кошачьих лап, или же заменялись фигурами каких либо мифических существ, например сатиров, несущих на головах корзину – крышку стола¹⁶⁷.

Целые состояния тратились на маленькие греческие столики – моноподии, (названный так потому, что столешница держалась на единственной ножке) вырезанные из единого куска атласского цитруса, где

---

¹⁶⁵ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры. – С. 160.

¹⁶⁶ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 53–54.

¹⁶⁷ Там же. – С. 54.

срез имел исключительно замысловатый рисунок¹⁶⁸. Римские авторы часто их упоминают, говоря о роскоши обстановки.

Аналогично изменился и картибул – тяжеловесный мраморный стол, служивший ранее для приготовления пищи, но ставший одним из главных украшений атриума¹⁶⁹. Ножки стола заменили на монолитную плиту, и в распоряжении римских мастеров оказалась свободная плоскость для орнаментировки. А на местах бывших опор появляются монументальные формы пилястров или колонн с канелировкой и фризом. Часто мотив декора стола заканчивался крылатым мифическим существом, с напряженными лапами льва. Изображение реалистично, – напряженные мускулы чудовища передают непомерный груз поверхности стола¹⁷⁰.

Такие дорогие и редкие вещи подчеркивали исключительную состоятельность их немногочисленных владельцев. Мебель могла украшаться накладками из меди, бронзы, либо фанерами из дорогих пород деревьев. Знатные особы демонстрируют невероятные богатства. Ярким примером служит дорогая посуда, используемая на важных пиршествах с огромным количеством приглашенных, или расставляемая на имевшихся в доме столах для хвастовства перед клиентами, и сопровождавшая, согласно источникам, богатых римлян даже при их путешествиях по империи¹⁷¹. Множество ваз в форме кратеров, амфор, урн и партеров из мрамора, порфира и других каменных пород и драгоценных металлов служили исключительно для возбуждения чувства гордости у хозяина дома за то, что он обладает столь дорогими и изящными предметами быта¹⁷².

В связи с усилившимся притоком произведений искусства, частные дома Рима начинают декорировать истинными шедеврами, которые ранее украшали исключительно храмы или публичные здания. По всему жилищу расставляются художественные произведения на не менее прекрасных

---

¹⁶⁸ Коуэль Ф. Указ. соч. – С. 22.

¹⁶⁹ Сергеенко М.Е. Помпеи. – С. 146.

¹⁷⁰ Там же. – 146.

¹⁷¹ Wells, C. The Roman Empire. – 2-hd. ed. – London., 1992.

¹⁷² Гиро П. Указ. соч. – С. 164.

подставках¹⁷³. Ж.-Н. Робер отмечает, что у римлянина проявляется очевидная страсть к коллекционированию¹⁷⁴. «Искусство становится социальным феноменом: оно лучше всего прочего свидетельствует о положении хозяина дома в обществе¹⁷⁵. Каждый желает обзавестись греческим скульптурным произведением искусства. И подобная прихоть иногда приводит к безумным проявлениям...»¹⁷⁶ Римский вкус начинает забавлять обилие вещей, причем необычных, неординарных своей формой¹⁷⁷. Приведем в качестве примера рельефы на арке Константина с их неправильными пропорциями человеческого тела. Археологические раскопки нередко предоставили также несовершенные в пропорциональном плане скульптуры. Все это лишний раз свидетельствовало о невежестве большинства римлян в искусстве¹⁷⁸, и по замечанию множества исследователей, например Е. В. Федоровой¹⁷⁹, к IV веку, в целом, наблюдается упадок в области искусства. Однако С. И. Ковлев склонен считать, что упадок этот не был столь масштабным, абсолютным. Некоторые общественные постройки, возводимые императорами, например, термы Диоклетиана, продолжали поражать роскошью и искусностью отделки и планировки. Однако, экспансия Рима, а следовательно, и приток новых рабов, значительно сокращается с эпохи империи¹⁸⁰. Благодаря этому проблема общего воспроизводства рабочей силы стала приобретать поистине трагический характер¹⁸¹. В свою очередь, римское государство, стремясь задержать распад своего экономического базиса и свою собственную гибель, доводит до крайнего истощения платежные силы населения. Все это тормозило развитие рабочей силы, а следовательно, и развитие навыков и техники империи¹⁸². Таким образом, появление в римских домах изощренных

---

¹⁷³ Гиро П. Указ. соч. – С. 158.

¹⁷⁴ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – 184.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – 85.

¹⁷⁷ Таривердиева С.Э. Указ. соч. – С. 19.

¹⁷⁸ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – 191.

¹⁷⁹ Федорова Люди императорского Рима стр. 263 – 264.

¹⁸⁰ Гиббон Э. Указ. соч. – С. 118.

¹⁸¹ Грант М. Указ. соч. – С. 50.

¹⁸² Ковлев С. И. К вопросу о характере социального переворота III – V вв. в Западной Римской империи: статья. // ВДИ. 1954. № 3. – С. 33 – 44.

форм искусства было, отчасти, опосредованно и отсутствием большого количества умелых мастеров¹⁸³. Обществу оставалось лишь довольствоваться наличием дорогой вещи, но не ее качеством.

Контраст усиливается и посредством масок¹⁸⁴ и инсигниев предков, рядами выставяемых на самых почетных местах атриума. Напомним, что древнеримская мораль всегда имела своим образцом нравы и обычаи предков¹⁸⁵. Несложно представить образовавшуюся картину: образы простоты и нравственности на фоне блеска и изыска обстановки, подобно ситуации, описываемой Авсонием в эпигамме «На богатого выроodka»:

«Он Марса, Рема, Ромула-зиждителя
Зовет своими предками,
Их обрядить велит в шелка сирийские,
Из серебра ваяет их,
Из воска отливает перед входом в дом,
На полках держит в атриии» (II, 45 (26), 5 – 10).

Все это вместе взятое, конечно, производило сильное впечатление на приходивших посетителей внушало им даже некоторую робость¹⁸⁶, но видимо не могло скрыть образовавшуюся дисгармонию между традиционным и чуждым.

Понятно, что вся эта показная роскошь являлась уделом состоятельных патронов. Их клиентам это было либо не по карману, либо просто не имело смысла. Малообеспеченный римлянин мог лишь со стороны наблюдать за появившимся «умением жить», приходя с какой-либо просьбой к патрону. Его мебель, по причине ограниченности средств, не облицовывалась, и выполнялась из доступного местного клена, с простой белой древесиной без какого-либо узора¹⁸⁷:

---

¹⁸³ Autor de la colonne aurlienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurele a Rome. – Turnhout, 2000. – 446 p.

¹⁸⁴ Хизер, П. Падение Римской империи. – С. 444.

¹⁸⁵ Утченко С.Л. Теория падения нравов. – С. 212.

¹⁸⁶ Гиро П. Указ. соч.– С. 232.

¹⁸⁷ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 57.

Отметим и то, что обширные городские владения знати потеснили представилей бедной прослойки общества в инсулы, по своему определению в плане комфорта и красоты, оставлявшие желать лучшего¹⁸⁸, что не могло не породить упреков и ненависти в обществе к новоявленной роскоши.

Таким образом, представления о красоте жилища среди состоятельных римлян отражаются в любви к обильной, однако, не всегда гармоничной орнаментировке, в уважении к блеску и стоимости предмета. При этом всюду наблюдается попытка совмещения традиционно римских форм и веяний моды, следствием чего зачастую являлись чрезмерное нагромождение предметов и орнаментов. Конструктивная основа всех вещей, окружающих быт римлянина, сохраняется. Весь предметный мир, архитектурное мышление эпохи находит выражение в использовании разного рода накладок и аппликаций. Однако, кроме предметов роскоши, количество мебели практического значения остается минимальным.

Старый дом также сохраняет традиции этрусской строительной деятельности. К нему лишь прибавляется новая половина, заимствованная у эллинистического дома. Появилось множество комнат различного назначения, в частности, комнат для проведения времени в уединении. В этом отражена индивидуализация личности, являвшаяся одной из характерных черт греческого образа жизни. При усовершенствовании дома проявилась и социальная психология общества, где красота приобретала более утилитарный характер. Выражалось это в том, что хозяйственной части жилища даже состоятельные владельцы отнюдь не старались придать респектабельный вид. Удорожание убранства коснулось лишь помещений, предназначенных для приема и отдыха. Богато украшенная мебель, яркая отделка помещения, наличие редких предметов интерьера, царские размеры самого домуса становились средством демонстрации превосходства его владельца.

---

¹⁸⁸ *Бартенев, И.А.* Указ. Соч. – С. 71.

§II.2 Красота природы в представлениях римского общества по данным римской литературы

Вся совокупность представлений формируется у человека под влиянием социокультурной среды, в которой он живет и развивается¹⁸⁹.

Представления о красоте у древних римлян также складывались под воздействием условий его существования. На протяжении долгого времени труд на земле являлся основным источником дохода, а сельская местность – надежным и привычным местом жизни¹⁹⁰. Естественное, природное обрамление повседневной жизни, являлось главной составляющей эстетических представлений, однако, взгляд на природу базировался на ее утилитарном значении. Так было во времена ранней и классической республики. Анализируя вопрос значения сельской среды в жизни римлян этого времени на основе трактатов римских аграрных писателей, Н. Н. Белова приходит к выводу о первостепенном значении доходности земельной собственности, поскольку именно на ней строился весь экономический уклад римского общества¹⁹¹.

Но уже в период поздней республики, и в особенности во времена империи, ценности претерпевают изменения. Обработка земли перестает быть основным источником дохода, а отдаленность римлянина от государственных дел создает все условия для досуга. В то же время, городское времяпрепровождение дорожает и все больше лишается смысла¹⁹². Недаром, в инвективе на Руфина («Против Руфина»), Клавдиан ставит наслаждение сельским уединением в противовес суете и тщеславию Рима:

«Эта мне бедность привольней богатств, и эти приюты
Краше твоих высоких дворцов. Там тщетная роскошь
Ищет яств себе же во вред – а здесь беззатратно

¹⁸⁹ Гуревич, А. Я. Историческая наука и историческая антропология. // Вопросы философии: науч.– теорет. журнал. 1988. № 1. – С. 59.

¹⁹⁰ Роббер Ж.– Н. Указ. соч. – С. 131.

¹⁹¹ Белова Н. Н. Указ. соч.: URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/2480>.

¹⁹² Ляпустина Е. В. Указ. соч. – С. 157.

Кормит земля. Там шерсть впивает тирийские соки
И расписной узор багрецом ложиться на ткани –
Здесь сияют цветы и луг цветет красотою,
Ею обязанный только себе. Там ложа вспухают
Слоем блестящих ковров – здесь клонятся мягкие травы,
И не тревожит заснувшего в них никакая забота.
Там вокруг дома шумит толпа поздравляющей черни –
Здесь – лишь пение птиц да журчанье ручья на протоке.
Малым отраднее жить» (I, 200–215)

Во времена Клавдиана знать переезжает в свои родовые сельские угодья, которые перестраиваются в соответствии с новыми идеалами быта. Е.В.Ляпустина указывает, что самым распространенным преобразованием сельского жилища теперь становится совмещение старого вида застройки «villa rustica» и новой стилистической формы «villa urbana». Неотъемлемой особенностью такого поместья является пристройка множества зон отдыха, одной из которых выступает сад с декоративной зеленью. В его оформлении присутствовало все, что признается италийцем прекрасным в природе. В планировке сада часто повторялась излюбленная по свидетельствам источников геометрическая фигура – полукруг тропинок, окаймлявших лужайки и клумбы пестрых цветов, либо петлявших в аллеях деревьев – гигантов различных пород, призванных давать тень прогуливающимся в саду.

В целом, в источниках высказывается симпатия к обилию зелени различных оттенков: к темной зелени плюща, к нежно-зеленому цвету платана и почти белому буку. Были здесь и виноградные лозы, обвивавшие преимущественно беседки и перголы¹⁹³. Такие укрытия также были призваны защищать от солнца.

Обязательным элементом сада служил водоем. Ж.-Н. Робер отмечает, что как бы ни был тесен участок виллы, непременно находилось место для,

---

¹⁹³ Коуэль Ф. Указ. соч. – С. 64 – 65.

фонтана или крохотного бассейна. Помимо визуальной и звуковой эстетики, влага обеспечивала необходимую в жаркой Италии прохладу¹⁹⁴.

Часто в таких садах располагались и малые архитектурные формы, обеспечивавшие прохладные приюты для отдыха, например, легкие мраморные бельведеры, каменные гроты, лепные скамьи в тени деревьев или беседок. Эстетические ощущения усиливали искусные мраморные статуи. Ж. Н. Робер отмечает, что нередко, при прогулках по таким садам, можно было увидеть бюст одной из знаменитых исторических личностей, либо мифического существа. Римляне умели гармонично сочетать камень с зеленью, придавая первому форму какого-либо природного элемента¹⁹⁵.

В таких имениях по-прежнему оставались фруктовые, масленичные сады и виноградники. Однако и здесь царили красота и систематичность посадок. Виноград рос на шпалерах, образывавших крытые аллеи. Иногда для подпорок специально выращивали кипрский тростник и бамбук, или оставляли лозы обвивать стволы деревьев. Фруктовый сад и огород разделяли на правильные участки прямые аллеи, обсаженные ирисом, гвоздикой, гладиолусами, маком.

Подтверждение вышеупомянутой мысли находим у Юлиана высказывающего новые представления о том, как должна выглядеть хозяйственная часть идеальной виллы. В письме «Евагрию ритору» он рассказывает о своем личном опыте («памятник моих земледельческих трудов» (I, d) выращивания сельскохозяйственной культуры – «маленьком винограднике, дающем душистое и сладкое вино» (I, d). Далее он сокрушается, что виноградник не велик и розы не тянутся на многие плетры» (I, d), потому как он не особенно старался в уходе за ними. Ведь за городом Юлиан занимался не трудами на земле, а наслаждался неторопливым времяпрепровождением без суеты: «Там полная тишина и можно сидеть, смотреть в книгу и, отдыхая время от времени, любоваться прекрасным

---

¹⁹⁴ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 128.

¹⁹⁵ Там же.

видом моря и кораблей. Когда я был еще совсем юношей, мне казалось самым приятным провести лето там. Ведь здесь есть и неплохие родники, и недурная купальня, и сад, и деревья; и уже став мужчиной, я очень стремился к своему старому жилищу, часто приезжал туда, и пребывание там всегда было связано с литературными занятиями» (I, с). Можно заметить, что те немногие насаждения, выросшие естественным путем (без усиленного ботанического внимания) он расценивает как недостаток своего имения.

А в письме «Либанию, софисту и квестору» он приводит в пример упорядоченный царский сад: «В нем есть маленькая кипарисовая рощица, а вдоль ограды в большом числе посажены прямыми рядами те же деревья; середина сада занята грядками с овощами и различными плодовыми деревьями» (XXVI).

Таким образом, одной из определяющих особенностей таких поместий является их адаптация не только к получению практической пользы, но и к организации отдыха. Из этого следует, что природа для римлянина уже является местом, где можно в полной мере насладиться безмятежным времяпрепровождением. А ее красотами начинают любоваться.

Авсоний, являясь представителем зажиточного слоя, имел наследственное поместье в Бурдигале, куда время от времени наведывался для отдыха и для проверки исправности использования своих земель управляющим. В стихотворении «Об усадьбе» он пишет:

«...сыну милей в дольщиках быть при отце.

Ныне на мне и забота и труд; а прежде, бывало,

Труд доставался отцу, а удовольствие – мне» (5)

Здесь он указывает, что его имение помимо средств к существованию приносило и удовольствие от пребывания в нем. Однако, подчеркивается, что времена, когда об усадьбе заботился отец, а он лишь проводил там отдых, ему были больше по нраву. И ныне посещает он село, скорее, от скуки:

«И коли скука меня соблазнит переменою места –

Город сменю на село или на город село» (30)

Отметим, и то, что жить в деревне вовсе не всегда означало заниматься хозяйством. Для римских богачей, сельское хозяйство стало «делом грязным»¹⁹⁶. Судя по многим письменным источникам, таким отношение было у большинства городских жителей¹⁹⁷. Но сельская жизнь в глазах поэтов является не тем, чем она является в глазах «коренных жителей сел». Сколь восторженными бы ни были упоминания о досуге в изобильных поместьях, об источниках животворящих вод, о зеленых долинах, следует помнить, что у (крестьян) взгляд на природную среду заключался в получении от нее жизненно необходимых ресурсов¹⁹⁸; и он оставался верным своей хижине, не имея ни досуга, ни средств для каких бы то ни было усовершенствований и нововведений¹⁹⁹.

Вилла знатного лица, помимо требований комфорта, должна была отвечать еще одному критерию, а именно отражать материальное положение и статус ее владельца²⁰⁰. С этой целью в своем сельском имении богачи устраивали парки с животными, орнитарии с птицами и рыбные садки. Г.С.Кнабе отмечает, что в садках были отделения, особые для каждой породы рыб, и из таких садков их никогда не использовались в пищу, ибо такие рыбы считались священными. Вельможные богачи кормили этих питомцев собственноручно, проявляя трогательную заботу об их аппетите, а когда они заболевали – об их лечении²⁰¹. Также разводили оленей, кабанов, зайцев, голубей павлинов. Подкармливаемые звери, как и рыбы, становились ручными, а некоторых из них даже дрессировали. Таким образом, привнесение «эстетики и порядка» коснулось и животного мира.

Интересно, что в отношении к животным прослеживается двойственность. Например, орнитарии: в них птицы делились на те, что приносили выгоды, и те, что должны были только доставлять удовольствие.

---

¹⁹⁶ Кнабе Г.С. Быт и история... С. 119.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Грималъ П. Цивилизация Древнего Рима. – М., 2008. – С. 18.

¹⁹⁹ Сергеевко М.Е. Простые люди... С. 61.

²⁰⁰ Овсянников М. Ф. История эстетической мысли: учеб. пособие. – М., 1978. – С. 89.

²⁰¹ Кнабе Г.С. Быт и история... С. 155.

Последних называли греческим словом «орнитон». По мнению П. Феделли, прибегая в своих действиях к насилию по отношению к животным, римлянин ощущал необходимость теоретически оправдать свое предполагаемое превосходство²⁰², а превосходство человека над животными – это одно из проявлений превосходства человека над миром природы. Согласно этому утверждению следует, что природа в своем «первозданном облике» больше не имеет эстетического значения для римлян. Красота природного мира раскрывается лишь тогда, когда его развитие направляет рука человека. Так думал и Рутилий Намациан, воспевая Рим в поэме «Возвращение на родину»:

«Что же сказать о лесах, обнесенных стеной расписною,

Где доморощенных птиц льется веселая песнь?

Здесь уступают весне остальные три времени года:

Прелесть веселий твоих даже зима бережет» (I, 110)

Речь идет о вышеупомянутых парках при знатных домах, где все живое римлянин подстраивал под свои представления о прекрасном: Образцами в оформлении таких мест служили восточные райские сады, которые так очаровывали римлян²⁰³. Они должны были одновременно радовать взгляд, дарить приятные ароматы, ублажать ласковым журчаньем воды и пением птиц.

Обязательное условие устройства таких мест отдыха представлено связью с окружающим пейзажем, где, прогуливаясь, можно было бы в комфорте созерцать открывающиеся виды. Е. В. Ляпустина отмечает, что зачастую площадь постройки увеличивалась за счет террас, позволявших при прогулке любоваться панорамами окрестностей.

Река, озеро, море привлекали поэтической красотой, а также прохладой²⁰⁴. У Авсония водные источники – важные составляющие окружающей местности, фигурирующие также в поэтических описаниях

---

²⁰² Феделли П. Указ. соч. – С. 107.

²⁰³ Блаватский В.Д. Природа и античное общество.... – С. 69.

²⁰⁴ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 43.

знаменитых городов – родной Бурдигалы (135 - 150), Арелата (X, 75), Сиракуз (XVII, 95).

Клавдиану нравится вид лесной чащи, насыщенностью и густотой зелени видимо, передававшей ощущение прохлады:

Лес, полуденный зной смягчая сладостным мраком:

Здесь копыеносный кизил и ель с невянущей хвоей,

Дуб, Юпитера друг, кипарис, курганов насельник,

Падуб медвяный и лавр, пророкам прозренья дарящий.

Рядом кивает самшит главою в листьях курчавых,

Стелется плющ, и лоза обвилась вокруг мощного вяза. (*Ratto di Proserpina*)

Однако, избирательное разнообразие деревьев и их неперемнная красота («курчавые листья», стволы, обвитые лозами плюща) - явно идеализированные представления о лесе, свидетельствующие, скорее, о любви поэта к декоративной зелени.

Показательно, что Авиена темный, поросший непроглядными зарослями лес, каким он бывает в реальности, отпугивает. В описаниях варваров – олицетворении дикости и опасности для римлян, постоянно в качестве их места обитания он приводит густые леса и заросли трав: «Затем вздымается гора тартессиев, густо поросшая лесами... Если ты пойдешь от той горы, которая, как я тебе уже сказал, поросла густым и страшным лесом, то берег спускается полого и состоит из мягкого песка...» (320); или «Он (Эвктемон) передает, что расстояние между ними (столбами Геркулеса) было тридцать стадий; что сплошь они были покрыты густым лесом и всегда были неприветливы для моряков (355); также: «Там, где эта земля отходит далеко от моря, страна широко покрыта зарослями и кустарником. Здесь племя грубое и дикое, берибраки, блуждает со своими многочисленными стадами. Питаясь очень грубой пищей, молоком и твердым сыром, они поддерживают свое существование, наподобие диких зверей (485). Труднодоступная таинственная чаща, видимо, подразумевала возможность спрятаться в ней,

способствовала сохранению примитивного образа жизни у ее обитателей, а также препятствовала зарождению и развитию в ней цивилизации и контактам с внешним миром.

В римских источниках часто воспевается красота гор. Парадоксально, ведь в сущности своей, горы затрудняли земледелие, слишком большая территория была занята ими; и для практичного римлянина такой рельеф местности должен был восприниматься негативно. Однако, Авсонию нравится тенистый холм, расположенный вдоль течения Мозелы:

«Длинный подъем до вершины горы над самую кручей,
Скалы и солнечный склон горы, кривизны и извивы –
Все виноградник сплошной, выходящий природным театром...
Вот чем, однако же, все насладиться свободны: тенистый
В светлой реке отражается холм; зеленеет течение
Влаги речной, и поток, сдается, порос виноградом...»

(Auson. Mos.,155; 190).

И Клавдиан в красоте местности выделяет возвышенность рельефа:

«Местность цветам красотой не уступит: среди ровной долины
Почву подъемлет изгиб соразмерный склонов отлогих,
Холм образуя крутой... Похищение Прозерпины

Римлянам удавалось использовать гористый рельеф для обустройства комфортной жизни. Из этих примеров можно заключить и то, что горы были ценны способностью давать тень, столь необходимую на юге. Также на возвышенностях возводилась система террас, соединяющихся пандусами и лестницами; на самих террасных площадках разбивались сады. А текущую с гор воду, использовали, чтобы обустроить бассейны, фонтаны, искусственные водопады.

Немаловажно и то, что горы придают ощущение защищенности. Эти строки Намациан написал при возвращении к себе на родину в Галлию, когда ему пришлось покинуть Рим, чтобы его имения не были захвачены вторгнувшимися вестготами.

Если создан весь мир как-то по мысли разумной
Если строенье его – дело божественных рук,
То Апеннинский хребет поставлен, как страж для латинян:
Замкнуты входы в их край гор недоступной тропой.
Северных грозных врагов опасалась природа и Альпам
В помощь воздвигла она новый гористый оплот.
Так же, как в теле она оградила источники жизни,
Все, что ценила она, плотным укрывши щитом.
Так искони она Рим обнесла многократной стеною:
Был под охраной богов даже несозданный Рим. (II, 11-40)

Все это показывает, что дикая природа также приобретает эстетический критерий, но только в связи с созданием рук человеческих. Морской берег, архитектурные ансамбли или даже сельскохозяйственные поля – все должно было иметь эстетичный вид.

Описывая красоты родных мест в «Мозелле», Авсоний перечисляет живописные уголки, где обычно располагались виллы, «словно стена декораций, речную замыкавшую сцену»: одна расположилась у подножья утеса, другая – на самом берегу реки, третья – у извилистого речного русла; есть усадьба в чистой гавани между скал, и даже – в склоне высокой горы; а еще – вилла на возвышенности холма с панорамой на окрестности... (320), продолжая:

«С видом вокруг на сады, и пашни, и праздные земли,
Чтобы именем своим любовался богатый владелец» (325-330)

В следующих строках» Авсония восхищает вид праздничного отдыха на лоне природы. Кроме того, следует обратить внимание на употребляемые в вышеприведенных отрывках сравнения Авсонием красоты природы с декорациями и театральным зрелищем:

«А какова красота и веселость праздничных зрелищ!
Выйдя на стержень реки, состязаются верткие лодки,
Двигутся взад и вперед и, скользя вдоль зеленых прибрежий,

Скошенных трав луговых молодые срезают побеги.

Как врассыпную гребут по реке безусые парни,

Попеременно то правым, то левым веслом загребая,

Любит смотреть селянин, забывая, что день на исходе:

Труд уступает игре, разгоняет веселье заботу» (200 – 205)

Явно, что автора интересует не просто вид пустого речного русла, а гармония сельской жизни, воплощенная в речной игре молодых искусных лодочников.

У Юлиана не раз находится подтверждение его симпатии к ухоженным упорядоченным человеком пейзажам:

Описывая свое имение, Юлиан говорит, что « ... выйдя из дому и забравшись на какой-нибудь холм, ты увидишь Пропонтиду и острова, и город, соименный благородному царю...», и «ступать ты будешь не по водорослям и мху и не будет тебя раздражать выброшенная на прибрежный песок какая-то очень противная грязь, которую и назвать-то не знаешь как, а будешь ступать по вьюнку, тимьяну и душистой траве» (I, с). То есть речь идет об облагороженной местности, не лишенной, к тому же, живописного ландшафта.

А рассказ о Батнах он начинает со слов, что они (Батны) «лежат на равнине, покрытой лесом и рощами молодых кипарисов, среди которых нет ни одного корявого или подгнившего, но все они зеленеют от корня до верхушки» (XXVI) И снова имеются в виду идеально ухоженные древесные насаждения.

Свидетельства об эстетизации природной среды часто встречаются и у Руфа Феста Авиена, в единственно дошедшем до наших дней тексте «Описание морского берега»: «Вода омывает и город и дома. Разлившись повсюду, и этот город почти что остров. Так рука человека заставила влиться в середину земли. Но древних основателей ее прилежный труд искусством победил форму мест, и природу земли» (705).

В целом, у Авиена вызывает страх все дикое, «неприрученное», о чем говорит и то, что животных обитающих в океане он многократно называет «чудищами океана»: «Огромное количество чудищ плавают здесь в море, и от этих морских зверей великий страх объемлет эти земли» (410; а также 125, 205).

Итак, можно сказать, что на протяжении всей истории Рима, природа являлась одним из самых значимых аспектов повседневной жизни его общества. Не менялось это и в рассматриваемый период. Однако, начиная со времени поздней республики, природную среду римлянин подстраивает под новые идеалы быта. Отдаленность римлянина от государственных дел, дороговизна жизни в городе способствуют возникновению сельского досуга. В связи с этим в римских провинциях все чаще возникают новые формы вилл, предназначенные не только для ведения сельского хозяйства, но и для отдыха в ней. Из поэзии Клавдиана и Авсония, а также писем Юлиана становится известно об их любви к жизни в сельской местности, однако, заключающейся не в трудах на земле своей усадьбы, а в созерцании красот природы за неторопливыми интеллектуальными занятиями.

Здесь создается множество декоративных садов, лужаек, парков. Гористые склоны Италии широко используют для устройства обширных садов и террасной системы; стекающую с гор воду превращают в «домашние» водопады, подчиняют русло для создания прудов и фонтанов. Красотами дикой природы начинают любоваться, воспевать, но с оговоркой, что в ее облике были следы деятельности человека, поскольку нетронутая, она ассоциировалась с диким и враждебным варварским миром. Юлиану нравятся ухоженные кипарисовые рощи Батн и плодовый царский сад, а также чистая облагороженная прибрежная зона его небольшого имения. Авсоний воспекает театрализованное плавание крестьян на лодках в водах Мозеллы, а также обустроенные в речных зонах богатые имения с живописным видом на сельские окрестности. Клавдиан идеализирует лесную чащу со сказочно–прекрасными деревьями. IV век, также, отмечен частыми

нападениями на города варварских племен, произволом военослужащих и властимущих. Потому, уход в сельскую местность придавал некоторое ощущение стабильности и безопасности. Гористый рельеф Аппенинского полуострова Намацианом воспринимается и как защита от неблагоприятных климатических условий и как надежное препятствие от внешних врагов.

В целом, представления о красоте окружающей римлянина природной среды выражались в обилии зеленых насаждений: густо засаживались растениями, но, преимущественно, сортами, дающими зелень различных оттенков; в умении сочетать различные природные элементы: зелень комбинировалась с водой (ручьями, фонтанами и т.п.), с камнем (скульптурами, архитектурными постройками – гроты, пещеры, мраморной мебелью – скамьи, столы). Одной из определяющих особенностью таких мест становится их способность подчеркивать статус владельца. Намациана восхищают сады – орнитарии, устраиваемые на усадьбах богачей, и олицетворявших покоренный человеком мир природы. В своем первоизданном виде, без каких-либо преобразований, природа уже не вызывает интереса. У Авиена все дикое вовсе вызывает страх.

Все эти старания были призваны и обеспечивать комфорт – зеленые насаждения, малые архитектурные формы, искусственные водоемы должны были давать защиту от палящего южного солнца; а также формировать целостный облик виллы.

Вывод к главе II. В рассматриваемый период времени представления римлян об оформлении быта меняются. В жилищах наблюдается стремление к монументальности. В оформлении красивым считается обилие декора, разнообразие и яркость орнаментировки. Однако в основе всех вещей сохраняются прежние римские конструктивные традиции и элементы. Конструкция и назначение мебели остается прежней, меняется лишь ее внешний вид посредством использования накладок и аппликаций. В устройстве дома римляне продолжают придерживаться образцов этрусского

строительного искусства, хотя добавляя на греческий лад множество комнат индивидуального назначения.

При этом всюду наблюдаются попытки совмещения римских форм и греко – восточных черт бытовой эстетики, что зачастую приводит к дисгармонии в восприятии получившейся атмосферы жилища.

Провинциальное прошлое римлян подталкивают к созданию прекраснейших уголков природы вокруг жилищ. К IV веку сады и парки становятся неотъемлемым элементом в окружающем пространстве как в провинциальных усадьбах, так и в самом Риме. И здесь также понимание красоты заключалось в обилии орнаментов из зелени, в умении сочетать различные природные элементы (зелень, воду, камень), и даже искусно использовать климатические особенности Италии, а также визуальный вид окружающих ландшафтов и прилегающих архитектурных построек.

Такие места идеально подходили для приятного времяпрепровождения в тени деревьев под журчанье воды, пение и созерцание окружающих пейзажей. Но и здесь визуальное наслаждение доставляли лишь искусственно преобразованные ландшафты. всюду свое окружающее пространство римлянин подстраивает под новые идеалы быта. Повсеместно усложненные формы предметной среды приходят на смену простоте и минимализму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение представлений о красоте в позднеантичном обществе осуществлялось в рамках истории повседневности. Однако, на протяжении всего существования римской цивилизации, ее развитие характеризовалось устойчивой связью хозяйственной, государственно-политической и личной бытовой сторон. Малейшие изменения в одной из сфер неизбежно отражались на нравах и быте римского населения. Поэтому, воссоздание образа мыслей, представлений римлян подразумевает анализ всех сфер жизни римского общества.

В IV веке наблюдается пик варваризации и эллинизации римского населения. По всей империи возрождались старые, казавшиеся забытыми местные обычаи и языки. На них говорили, писали письма, составляли памятные надписи. Менялся и внешний облик населения империи. Сами императоры смело демонстрировали не свойственное староримской традиции преобразование. Некоторые облачались в порфиру и золото. Другие, одевались в одежду варваров. Знать и придворная элита подражали им в этом. В этих кругах воспроизводилась красота греко-восточного мира, характеризующаяся тяготением ко всему утонченному, необычному. В частности, в оформлении лица приветствовались не свойственные природе италийцев белая кожа, светлые волосы. Эстетичность тела определялась по гладкой блестящей коже и подтянутости форм. В манере одеваться наблюдается отход от традиционной одежды: тога и стола сменяются греческими плащами разноплановых фасонов, а также другими видами одежды, восточного и варварского происхождения; свойственно тяготение к дорогим материям, броским орнаментам и обилию украшений. И ценность этой экзотической для римлян красоты заключалась не просто в эстетическом наслаждении ею; римляне ставят свою внешность на службу практическим целям: желание посредством своего облика продемонстрировать свою значимость, приобрести высокую оценку и

уважение в обществе. Ценности также претерпевают изменения, эволюционируя к внешним характеристикам. Простота в оформлении внешности, характерная для царских времен и времен ранней республики становится неприемлемой в среде знати.

В то же время, низшие слои общества беднеют, видимо, негативно оценивая расточительства знати.

Поэтому авторы акцентируют внимание на восходящем к прошлому идеале простоты внешности, что также было созвучно с христианской эстетикой, возводившей в приоритет духовный мир человека в противовес материальному. Однако реальная жизнь римлянина не соответствовала этим идеалам, и найти гармонию между новшествами и традиционными нормами не удавалось. Кичливость оставалась уделом элиты, для остальных же преподносился образ предков – идеал нравственности и добропорядочности, составляя основу и для эстетических образцов.

Менялся и облик окружающей римлян среды. Многие исследователи отмечают, что IV век являлся временем относительного расцвета римской культуры, но в то же время в обществе наблюдался упадок художественного вкуса. Относительность культурного подъема заключалась в том, что в этот период римское общество продолжало пользоваться экономическими и культурными достижениями предшествующих веков империи. Однако, проблема воспроизводства рабочей силы, торможение развития навыков и техники ввиду нехватки ресурсов объясняют отсутствие масштабных застроек, а наличие лишь переделанных, подстроенных под новые взгляды старые формы; редкость искусных архитектурных работ и их несовершенство.

В частных жилищах наблюдается стремление к монументальности. В оформлении красивым становится обилие декора, разнообразие и яркость орнаментировки. Однако в основе всех вещей сохраняются прежние римские конструктивные традиции и элементы. В устройстве дома римляне продолжают придерживаться образцов этрусского строительного искусства,

хотя добавляя на греческий лад множество комнат индивидуального назначения.

Конструкция и назначение мебели остается прежней, меняется ее внешний вид посредством использования накладок и аппликаций. При этом всюду наблюдаются попытки совмещения римских форм и греко – восточных черт бытовой эстетики, что зачастую приводит к дисгармонии в восприятии получавшейся атмосферы жилища.

Важной особенностью этого времени становится то, что город постепенно утрачивает привлекательность для жизни в нем. Состоятельные люди предпочитали жизнь на собственных виллах, подальше от суеты и дороговизны городской жизни. Также здесь был меньший риск нападений мятежников или солдат и наказаний со стороны императоров.

Провинциальное прошлое римлян и ускоряющийся темп городской жизни подталкивают к созданию прекраснейших уголков природы вокруг своих сельских жилищ. И здесь также понимание красоты заключалось в обилии орнаментов из зелени, в умении сочетать различные природные элементы (зелень, воду, камень), и даже искусно использовать климатические особенности Италии, а также визуальный вид окружающих ландшафтов и прилегающих архитектурных построек.

Такие места идеально подходили для приятного времяпрепровождения в тени деревьев под журчанье воды, пение птиц и созерцания окружающих пейзажей. С развитием культуры быта, вид нетронутого природного ландшафта уходит в прошлое, ассоциируясь с диким и враждебным варварским миром. Визуальное наслаждение, доставляют лишь искусственно преобразованные ландшафты, придающие чувство превосходства над миром природы. Так, повсеместно усложненные формы предметной среды приходят на смену простоте и минимализму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Источники

- 1) Авсоний. Стихотворения. / Рос. акад. наук; [отв. ред. С. С. Аверинцев; пер. М. Л. Гаспаров]. – М.: Наука, 1993. – 357 с.
- 2) Поздняя латинская поэзия. / Пер. М. Л. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1993. – 719 с.
- 3) История Аполлония, царя Тирского.: [Электронный ресурс]. // Симпосий: сайт об античной литературе, античной истории и людях античности. – URL: <http://simposium.ru/ru/node/9775>.
- 4) Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. / Пер., вступ. ст., коммент., указ. Р.Л. Шмаракова. – СПб.: Издво С.-Петербур. ун-та, 2008 – С. 45 - 74.
- 5) Либаний. Монодия на храм Аполлона в Дафне. // Памятники позднего античноораторского и эпистолярного искусства II – V века. / АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1964. – С. 50 – 79.
- 6) Павлин из Пеллы. «Евхаристик к Господу Богу в виде вседневной моей повести». // Авсоний. Стихотворения. / Рос. акад. наук; [отв. ред. С. С. Аверинцев; пер. М. Л. Гаспаров]. – М.: Наука, 1993. – С. 233 – 250.
- 7) Птица Феникс.: [Электронный ресурс]. // Симпосий: сайт об античной литературе, античной истории и людях античности. – URL: <http://simposium.ru/ru/node/10891>.
- 8) Письма Либания. // Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 3: Письма Либания в русских переводах. / Сост. А. М. Болговой, Н. Н. Болгова. – Белгород, 2015. – 66 с.
- 9) Рутилий Намациан. Возвращение на родину. / Пер. М. Л. Гаспарова. // Поздняя латинская поэзия. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 281 – 302.

- 10) Руф Фест Авиен. Описание морского побережья (Испании). // // ВДИ. 1939. № 2. / Под общ. ред. АН СССР; Институт всеобщей истории. – М.: Наука, 1978. – С. 227 – 237.
- 11) Юлиан. Мисопогон.: [Электронный ресурс]. // Симпосий: сайт об античной литературе, античной истории и людях античности. – URL: <http://simposium.ru/ru/node/12182>.

II. Литература

- 1) Анджела, А. Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы. / А. Анджела. – М.: КоЛибри, 2010. – 480 с.
- 2) Бартенев, И. А. Очерки истории архитектурных стилей. / И.А. Бартенев, В.Н. Батажкова.– М.: Изобразительное искусство, 1983. – 384 с.: ил.
- 3) Белова, Н.Н. О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I – II вв.). / Н.Н. Белова // Известия УрГУ: эл. журнал. Серия 101. Историческая. № 17. 1969. – С. 155 – 175.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/2480>.
- 4) Блаватский, В.Д. Архитектура Древнего Рима. / В.Д. Блаватский. – М.: Изд-во всесоюзной академии архитектуры, 1938. – 124 с.
- 5) Блаватский, В.Д. Природа и античное общество. / АН СССР ордена труд. красн. знамени; ин-т археологии; [Отв. ред. Н. А. Онайко]. – М.: Наука, 1976. – 82 с.
- 6) Бобровникова, Т. А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. / Т. А. Бобровникова. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 493 с.
- 7) Бритова, Н.Н. Римский скульптурный портрет: очерки. / Н.Н. Бритова, Н.А. Сидорова, Н.М. Лосева. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 384 с.
- 8) Бычков, В.В. Эстетика поздней античности: II – III века: (Раннехристианская эстетика). / В.В. Бычков. – М.: Искусство, 1981. – 328 с.

- 9) Быт и история в античности / Под ред. Г.С. Кнабе. - М.: Наука, 1988. – 272 с.
- 10) Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. / Л. Винничук. – М.: Высшая школа, 1988. – 496 с.: ил.
- 11) Велишский, Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. / Ф. Велишский. – Электронный архив «ЯрГУ им. П.Г.Демидова».: [Эл. ресурс]. – URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1441>.
- 12) Виппер, Р.Ю. Рим и раннее христианство. / Р.Ю. Виппер. –М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 270 с.
- 13) Вуд, С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа. / С. Вуд. // The School of Historical Studies Postgraduate Forum e-Journal, Edition Two, 2003.: [Электронный ресурс] – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977>.
- 14) Вулих, Н.В. Роль искусства в пропаганде официальной идеологии Августа: доклад. / Н.В. Вулих. // ВДИ, № 1, 1988. – С. 162 – 172.
- 15) Гадамер, Г. – Г. Актуальность прекрасного: сб. статей. / Г.–Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
- 16) Гиббон, Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т., Т.1. / Э. Гиббон. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – 624 с.
- 17) Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлян. / П. Гиро. – СПб.: Алтейя, 1995. – 593 с.
- 18) Грант, М. Римляне. Цивилизация Древнего Рима / М.Грант / Пер. с англ. И.Ю.Мартьянова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 397 с.
- 19) Грималь, П. Цивилизация Древнего Рима. / П. Грималь. – М.: АСТ, 2008. – 509 с.
- 20) Гуревич, А.Я. Историческая наука и историческая антропология. / А.Я. Гуревич. // Вопросы философии: науч.–теорет. журнал. 1988. № 1. – М.: Наука, 1988. – С. 51 – 63.

- 21) Гуревич, Д. Поседедневная жизнь женщины в Древнем Риме. / Д. Гуревич, М.-Т. Рапсат–Шарлье. / Пер. с фр. Н. Н. Зубкова. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 260[12] с.: ил.
- 22) Джеймс, П. Римская цивилизация. / П. Джеймс. / Пер. с англ. М. Звонарева. – М.: ФАИР–ПРЕСС, 2000. – 272 с.: ил.
- 23) Джонс, А.Х.М. Гибель античного мира. / А.Х.М. Джонс. – Ростов на Дону, 1997. – 576 с.
- 24) Ильина, Т.В. Искусство Римской империи. / Т.В. Ильина. // История искусств: Западноевропейское искусство: учеб. изд. – 3–е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 36 – 46.
- 25) Илюшечкин, В.Н. *Sara mea Photis*. / В.Н. Илюшечкин. // Женщина в античном мире: сб. статей. / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин.; РАН; Рос. ассоц. антиковедов. – М.: Наука, 1995. – С. 131 – 141.
- 26) История Древнего Рима. / Под ред. В. И. Кузищина. – 4-е изд. Перераб., и доп. – М.: Высшая школа, 2000. – 383 с.: ил.
- 27) Каган, Ю.М. О латинских словах, обозначающих одежду. / Ю.М. Каган. // Быт и история в античности: сб. ст. / Под ред. Г. С. Кнабе. – М.: Наука, 1988. – С. 127 – 142.
- 28) Каркопино, Ж. Повседедневная жизнь в Древнем Риме. Апогей империи. / Ж. Каркопино. / Пер. с фр. И. И. Маханьковой. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 420[12] с.: ил.
- 29) Кифер, О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. / О. Кифер. / Пер. с англ. Л. А Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2003. – 431 с.
- 30) Клименко, В.В. Климат: Непрочитанная глава истории. / В.В. Клименко. – М.: Изд–во МЭИ, 2009. – 407 с.
- 31) Кнабе, Г.С. Внутренние формы культуры. / Г.С. Кнабе. // Избранные труды. Теория и история культуры: сб. ст. – [М.?]: РОССПЭН, 2006. – С. 158–170.
- 32) Кнабе, Г.С. Древний Рим–история и повседневность. Эпоха. Быт. Костюм. / Г.С. Кнабе. – М.: Искусство, 1986. – 103 с.

- 33) Кнабе, Г.С. Древний Рим. История, культура, искусство. / Г.С. Кнабе. // Избранные труды. Теория и история культуры: сб. ст. – [М.?]: РОССПЭН, 2006. – С. 132–157.
- 34) Кнабе, Г. С. Категория престижности в жизни Древнего Рима. / Г.С. Кнабе. // Быт и история в античности: сб. статей. / Под ред. Г. С. Кнабе. – М.: Наука, 1988. – С. 143 – 169.
- 35) Кнабе, Г. С. Личность и индивидуальность. Античная биография и античное письмо. / Г.С. Кнабе. // Избранные труды. Теория и история культуры: сб. ст. – [М.?]: РОССПЭН, 2006. – С. 274–291.
- 36) Кнабе, Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима: сб. статей. / Г.С. Кнабе. / Отв. ред. Д. П. Бак. – М.: Индрик, 1994. – 528 с.
- 37) Ковлев, С. И. К вопросу о характере социального переворота III – V вв. в Западной Римской империи: статья. / С.И. Ковлев. // ВДИ, № 3, 1954. – С. 33 – 44.
- 38) Колосовская, Ю. К. Образ римской женщины в Паннонии. / Ю.К. Колосовская. // Женщина в античном мире: сб. статей. / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин.; РАН; Рос. ассоц. антиковедов. – М.: Наука, 1995. – С. 142 – 155.
- 39) Корелин, М.С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. / М.С. Корелин. – СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. – 192 с.
- 40) Коуэл, Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура / Ф.Коуэл / Пер. с англ. О.Д. Сидоровой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 255 с.
- 41) Крюков, А.С. Из истории слова Dominus: статья. / А.С. Крюков. // ВДИ, №1, 1998. – С. 272 – 281.
- 42) Лосев, А.Ф. Эллинистически–римская эстетика. / А.Ф. Лосев. / Сост., погот. текста, общ. ред. А. А. Тахо–Годи, В. П. Троицкого. – М.: Мысль, 2010. – 703 с.

- 43) Ляпустина, Е. В. Виллы в западных провинциях Римской империи: доклад. // ВДИ, №1, 1985. – С. 161 – 186.
- 44) Маловичко, С.И. Локальная история и историческое краеведение с точки зрения источниковедения историографии: статья. / С.И. Маловичко.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/464>.
- 45) Маяк, И.Л. Женщина в раннем Риме (V – IV вв. до н.э.). / И.Л. Маяк. // Женщина в античном мире: сб. статей. / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин.; РАН; Рос. ассоц. антиковедов. – М.: Наука, 1995. – С. 75 – 103.
- 46) Межеричский, Я.Ю. Высшие слои римского общества по произведениям Сенеки. / Я.Ю. Межеричский. // Проблемы истории античной гражданской общины: сб. статей. / Под общ. ред. Моск–го гос. заоч. пед. Института. – М.: МГЗПИ, 1982 – С. 112 – 130.
- 47) Межеричский, Я.Ю. «Полисные» и «неполисные» элементы в мировоззрении Сенеки. К вопросу о ментальных основах «республиканской» идеологии принципата: статья. / Я.Ю. Межеричский.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1340235815>.
- 48) Мережицкий, Я.Ю. INERS OTIUM / Я.Ю.Мережицкий // Быт и история в античности. – М.: Наука, 1988. – С. 41-67.
- 49) Немировский, А.А. История Древнего мира (Восток, Греция, Рим). / А.А. Немировский.: [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.wikireading.ru/287200>.
- 50) Овсянников, М.Ф. История эстетической мысли: учеб. пособие. / М.Ф. Овсянников. / Под общ. ред. кафедры эстетики Московского обл. пед. ин–та. – М.: Высшая школа, 1978. – 352 с.
- 51) Паке, Д. История красоты. / Д.Паке. – М.: АСТ, 2001. – 128 с.
- 52) Преображенский, П.Ф. В мире античных идей и образов. / Под общ. ред. АН СССР; Институт Истории. – М.: Наука 1965. – 397 с.

- 53) Попова, Т. В. Письма императора Юлиана. // Античная эпистолография: очерки / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1967. – С. 226 – 259.
- 54) Робертс, Дж.М. Рим и классический Запад. Том 3. / Дж.М. Робертс. – М.: БММ, 1999. – 192 с.
- 55) Робер, Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. / Ж.-Н. Робер. / Пер. с фр. Т. А. Левиной. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 245[11] с.: ил.
- 56) Репина, Л.П. Гендер в истории: проблематика и методология исследований. / Л.П. Репина. // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. – М., 2001. С. 354–370.
- 57) Свенцицкая, И.С. Женщина в раннем христианстве. / И.С. Свенцицкая. // Женщина в античном мире: сб. статей. / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин.; РАН; Рос. ассоц. антиковедов. – М.: Наука, 1995. – С. 156 – 167.
- 58) Сергеенко, М.Е. Жизнь Древнего Рима / М.Е.Сергеенко. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», журнал «Нева», 2000. – 368 с.
- 59) Сергеенко, М.Е. Помпеи. / М.Е.Сергеенко. / Под общ. ред. комиссии АН СССР по изданию научно–популярной литературы. – М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – 318 с.
- 60) Сергеенко, М.Е. Простые люди Древней Италии. / М.Е. Сергеенко. – М.,1964.– 172 с.
- 61) Суздальский, Ю.П. На семи холмах: очерки культуры Древнего Рима. / Ю. П. Суздальский, Б. П. Селецкий, М. Ю Герман. – 2–е изд. – М.: Просвещение, 1965. – 399 с.
- 62) Таривердиева, С.Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме. / С.Э. Таривердиева.: [Электронный ресурс] // Известия УрФУ: эл. журнал. Серия 2. Гуманитарные науки. № 1. 2014. – С. 6 – 25. –

- URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1411728506>. – (дата обращения 29 октября 2016 года).
- 63) Уколова, В.И. Поздний Рим: пять портретов. / В.И. Уколова. – М.: Наука, 1992. – 160 с.
- 64) Уотс, Д.Дж. Древнеримский жилой комплекс. / Д. Дж. Уотс, К. М. Уотс. // В мире науки: эл. журнал. № 2, 1987.: [Электронный ресурс]– URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1415877747>.
- 65) Утченко, С.Л. Две шкалы римской системы ценностей: статья. / С.Л. Утченко. // ВДИ, № 4, 1972. – С. 19 – 33.
- 66) Утченко, С.Л. Еще раз о римской системе ценностей: статья. / С.Л. Утченко. // ВДИ, № 4, 1973. – С. 30 – 47.
- 67) Утченко, С.Л. О некоторых особенностях античной культуры. // ВДИ. 1977. № 1. – С. 5–12.
- 68) Утченко, С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. / С.Л. Утченко.– М., 1969. – 414 с.
- 69) Утченко, С.Л. О некоторых особенностях античной культуры. / С.Л. Утченко // ВДИ, №1, 1977. – С. 5 – 12.
- 70) Феделли, П. Человек и природная среда в римском мире: статья. / П. Феделли. // ВДИ, №3, 1995. – С. 103 – 109.
- 71) Федорова, Е.В. Императорский Рим в лицах. / Е.В. Федорова. – Ростов–на–Дону: Феникс, 1998. – 418 с.
- 72) Федорова, Е.В. Люди императорского Рима. / Е.В. Федорова. – М.: Изд–во МГУ; Ост–Вест Корпорейшен, 1990. – 366 с.
- 73) Хафнер, Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. / Г. Хафнер. / Пер. с нем., предисловие и ред. Г. Б. Федорова. – М.: Прогресс, 1984. – 314 с.: ил.
- 74) Хизер, П. Падение Римской империи. / П. Хизер. – М.: Астрель, 2009. – 567 с.
- 75) Цветаева, Г.А. Дом и частная жизнь. / Г.А. Цветаева. – М.: АСТ, 2007 – 301 с.

- 76) Штаерман, Е.М. Рабские коллегии и фамилии в период империи: статья. / Е.М. Штаерман. // ВДИ, №3, 1950. – С. 71 – 85.
- 77) Штаерман, Е. М. Эллинизм в Риме: статья. / Е.М. Штаерман. // ВДИ, №3, 1994.– С. 3 – 13.
- 78) Autor de la colonne aurelienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurele a Rome. / Ed par J. Scheid, V. Huet. – Turnhout, 2000. – 446 p.
- 79) Cambridge Ancient History. Vol. XII – XIII. – URL: <http://ru.ok.xyz/ireader/1211108>.
- 80) Wells, C. The Roman Empire. / C. Wells. – 2-hd. ed. – London.: Fontana Press, 1992. – 544 p.